

16+



Рянская Э.М.

КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Учебное пособие

Нижневартовск
НВГУ
2025

Рянская Э.М.

КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Учебное пособие

Нижневартовск
2025

УДК 81'33
ББК 81я73
Р 99

16+

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Л.Г. Викулова

доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена *Е.Н. Михайлова*

Рянская Э.М.

Р 99 **Когниция и коммуникация:** Учебное пособие. Нижевартовск: Изд-во ВГУ,
2025. 107 с.

ISBN 978-5-00047-729-8

Учебное пособие носит междисциплинарный характер и посвящено вопросам взаимодействия когнитивного и коммуникативного направлений в лингвистике. Издание представляет собой изложение отдельных теоретических положений и подходов к изучению языковых явлений, а также позиций ученых по рассматриваемым проблемам. Пособие содержит информационный материал (справочные сведения, выдержки из научных трудов), контрольные вопросы и практические задания, которые способствуют структурированию теоретических сведений, овладению лингвистической терминологией, развитию лингвистической наблюдательности, формированию исследовательских навыков.

Предназначается для использования в качестве основы для спецкурса, для студентов и аспирантов при исследовании проблем теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики.

ISBN 978-5-00047-729-8



9 785000 477298 >

ББК 81я73

© Рянская Э.М., 2025
© Издательство НВГУ, 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНОГО И КОММУНИКАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЙ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ.....	6
Раздел 2. КОГНИЦИЯ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДРУГИМИ КОГНИТИВНО- КОММУНИКАТИВНЫМИ ПРОЦЕССАМИ	24
Раздел 3. КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ С КОГНИЦИЕЙ	40
Раздел 4. ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	70
Раздел 5. СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОГНИТИВНОМ И КОММУНИКАТИВНОМ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	83
СПИСОК ТЕРМИНОВ	97
ЛИТЕРАТУРА.....	98

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое учебное пособие составлено с целью его использования при разработке спецкурса, посвященного проблеме взаимодействия актуальных направлений современной лингвистики – когнитивного и коммуникативного. Пособие направлено на систематизацию теоретических положений, формирование навыков сравнительного и эксплицированного анализа теоретических положений и трактовок изучаемых терминов. Предусматривает ознакомление с отдельными приемами лингвистического анализа и их применение на рекомендуемом языковом материале.

Структура и содержание учебного пособия нацелены на демонстрацию взаимодействия междисциплинарных знаний, составляющих основу когнитивной лингвистики, теорий коммуникации, дискурса, текста, лингвокультурологии и ряда других.

Настоящее пособие содержит теоретическую часть, в которой раскрываются основные теоретические положения раздела, дается обзор дискуссионных вопросов, излагаются точки зрения ученых по рассматриваемым проблемам. Информационный материал включает сведения справочного характера, необходимые для получения новых знаний, прежде всего, касающиеся рассматриваемых понятий и терминов. Использование выдержек из научных изданий (пособий, книг, монографий, научных статей) оправдано необходимостью помочь студентам и аспирантам «освоить “живой” научный материал, научиться ориентироваться в теоретическом и методологическом его многообразии» [Чурилина, 2011, с. 5]. Кроме того, это минимизирует усилия обучающихся при выборе наиболее значимого для изучения поставленной проблемы материала. Включение фрагментов из публикаций сопровождается заданиями, которые ориентируют на сознательно-творческое усвоение получаемой информации.

В основу данного пособия положены некоторые авторские концепции, а также положения, разработанные в диссертационных исследованиях, которые были выполнены под нашим научным руководством.

Предлагаемое издание может быть использовано для разработки спецкурса по направлению подготовки «5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», а также рекомендовано студентам и аспирантам для изучения дисциплин теоретической лингвистики и для осуществления научных исследований в междисциплинарном аспекте.

Раздел 1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНОГО И КОММУНИКАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЙ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

В современной науке о языке активно разрабатывается ряд направлений – когнитивное, лингвокультурологическое, коммуникативное, дискурсивное. В поле зрения ученых оказываются взаимодополняемые подходы, направленные на изучение объективированных в языке квантов знаний, способов мировосприятия и осмысления реальности [Карасик, 2024, с. 7-8].

Взаимосвязь когнитивного и коммуникативного подходов обосновывается единством двух базовых функций языка – когнитивной и коммуникативной. Отмечается, что в лингвистической традиции приоритетная роль в речевой деятельности вначале отводилась коммуникативному аспекту, затем когнитивному. Однако в настоящее время ученые рассматривают обе функции «в качестве равноправных и взаимодополняющих сущностных характеристик языка» [Обдалова, Минакова, 2013, с. 149]. И.А. Стернин, и вслед за ним представители Пермской лингвистической школы (И.А. Баринова, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова) рассматривают три сферы сознания человека: языковую (обеспечивает механизмы речевой деятельности), когнитивную (проявляется как ментальность), коммуникативную (совокупность коммуникативных знаний, организует коммуникацию) [Дзюба 2018, с. 37], что позволяет говорить о предпосылках междисциплинарности лингвистических направлений.

Обосновывая необходимость выделения крупных лингвистических парадигм на основе их иерархии, З.И. Комарова рассматривает в качестве суперпарадигмы антропоцентрическую и устанавливает четыре макропарадигмы как «модели постановки проблем и их решений» (в представлении о парадигме Е.С. Кубряковой), среди которых перечисляется и когнитивно-коммуникативная, поскольку «адекватное познание языка и языковых явлений с когнитивных позиций происходит в двух системах координат, т. е. на пересечении когниции и коммуникации» [Комарова, 2012, с. 368, 370, 374]. Коммуникативно-когнитивная парадигма характеризуется «1) интегративным характером; 2) опорой на теорию речевой деятельности; 3) выдвижением текста и языковой личности на первый план; 4) ростом интереса к экстралингвистическим факторам общения (сфере, ситуации, фактору адресата и т.д.); 5) экспланаторностью, стремлением объяснить языковые явления связью со смежными областями» [Жеребило, 2010, с. 158].

Методология когнитивной лингвистики основана на применении в качестве общего метода когнитивного подхода. Когнитивный подход рассматривает язык, его единицы и категории как средство познания, хранения и трансляции знаний в контексте концептуализации и категоризации – базовых познавательных процессов. Частные методы направлены на исследование систем репрезентации и интерпретации знаний о мире с помощью языка. Среди основных *методологических принципов* когнитивной лингвистики – антропоцентризм, понимание языка как когнитивной способности человека, уровневый

характер процессов языковой концептуализации и категоризации и других – выделяется *принцип связи познавательных и коммуникативных процессов*.

ЗАДАНИЕ 1.1. Познакомьтесь с основными методологическими принципами когнитивного исследования языка, которые отмечены Н.Н. Болдыревым в работе *Болдырев, Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 7–13*. Что предполагает принцип междисциплинарного характера исследования? Предусматривает ли указанный автором принцип антропоцентризма взаимодействие когнитивных и коммуникативных процессов? В чем состоит принцип многоуровневости значений языковых единиц?

«К числу **основных методологических принципов** когнитивного исследования языка, в частности, необходимо отнести те ключевые положения и исходные установки вышеназванных теорий, которые определяют направления, методологию и конкретную программу исследования тех или иных языковых категорий, явлений и форм. Наиболее значимыми из них, как уже отмечалось выше, являются: а) понятие **антропоцентризма**, означающее признание ведущей роли человека в организации и использовании языка, б) **междисциплинарный характер исследования**, предполагающий использование данных других наук о сознании, языке и речевой деятельности, в) понимание **языка как когнитивной способности**, тесно связанной с другими когнитивными способностями человека, г) **многоуровневость значений** языковых единиц, т. е. необходимость выхода за рамки собственно языковой системы в процессе изучения языковых значений и обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности в виде различных систем знаний о мире, д) **уровневый характер** процессов языковой концептуализации и категоризации и некоторые другие, частные принципы <...>» [Болдырев, 2013, с. 7-8].

Коммуникативная лингвистика является интегративной наукой, объединяющей коммуникативный и познавательный аспекты: с одной стороны, исследует коммуникативную значимость языковых единиц, их функционирование в разных коммуникативных условиях, их роль в формировании механизмов коммуникации, в информационном обмене, во взаимодействии коммуникантов; с другой, – изучает способы передачи знаний и обмена информацией. Принцип интегративности с позиций коммуникативно-прагматического подхода синтезирует антропоцентричность, системоцентричность и функциональность [Комарова, 2012, с. 373]. Основными функциями коммуникации являются коммуникативная, регулятивная, эмоционально-экспрессивная и когнитивная, позволяющие с помощью языка как средства общения выражать мысли и чувства, воздействовать на мысли и эмоции адресата, управлять процессами восприятия и понимания, выражать понятия и сообщать информацию [Викулова и др., 2020, с. 57].

ЗАДАНИЕ 1.2. В следующем фрагменте говорится о двунаправленности языка – на когницию и на коммуникацию. Сформулируйте кратко, в чем это проявляется. С чем связана такая версия отечественного когнитивизма?

«Язык трактуется как главное средство доступа к работе сознания, он определяется либо как способствующий осуществлению когнитивных процессов в актах коммуникации, либо как служащий в коммуникативном процессе (дискурсе) достижению определённых когнитивных целей (передаче или запросу информации, обмену ею между говорящими и созданию новой и т. п.). Особенно чётко проявляется двунаправленность языка – и на когницию, и на коммуникацию – при возникновении такой отечественной версии когнитивизма, как когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: каждое языковое явление подлежит анализу и с точки зрения его участия в когнитивной деятельности, и с точки зрения его служения дискурсивной деятельности (Е. С. Кубрякова), а также с точки зрения их согласования между собой. Когнитивная лингвистика становится источником новых начинаний в теоретической лингвистике, стремящихся к разностороннему и многоаспектному исследованию природы языка, его антропоцентрической сущности, к объяснению ещё не изученных черт его строения и организации, выполняемых им разнообразных функций. (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев)» [<http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80>].

Множественность используемых подходов к исследованию языка характеризует современную лингвистику и определяет сформировавшуюся во второй половине XX века когнитивно-дискурсивную парадигму (предложенную Е.С. Кубряковой), основу которой составляет интеграция когниции и коммуникации и проявление таких черт как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность [Хомутова, 2009, с. 146]. Л.В. Цурикова подчеркивает, что рациональный синтез двух ведущих парадигм формирует когнитивная теория дискурса, предполагающая исследование взаимодействия множества факторов, включая лингвистические и коммуникативные [Цурикова, 2001, с. 154].

А.А. Кибрик рассматривает когнитивную лингвистику как ветвь функционализма, «считающего, что языковая форма производна от функций языка» [Кибрик 1994, с. 126]. Язык, с одной стороны, функционирует в реальном времени («on-line»), с другой, – выступает как средство хранения и упорядочения информации («off-line»). В первом случае в качестве когнитивных феноменов, детерминирующих языковую форму, выступают оперативная память, внимание, активация, во втором – структуры представления знаний, естественная категоризация, долговременная память, лексикон и др. [Кибрик, 1994, с. 126]. Ученый считает, что когнитивный подход применим не только к исследованиям явлений типа off-line (категорий, семантики и т.д.), но и к изучению процессов построения и понимания *дискурса* [Кибрик, 1994, с. 126]. Свою точку зрения ученый обосновывает в следующем фрагменте статьи:

«Как и в лингвистике в целом, когнитивный подход в дискурсивном анализе далеко не общепринят. Очень многие работы по дискурсу исходят из чисто таксономического подхода, когда элементы текста регистрируются, классифицируются и подвергаются статистической обработке без попыток объяснения того, почему дискурс (и данный, и вообще) строится так, а не иначе. Между тем, если ориентироваться на функциональный подход, то есть стремиться объяснять наблюдаемые явления, то при изучении дискурса (в отличие от составляющих меньшего размера) в принципе невозможно остаться в рамках чисто внутриязыковых координат. Исходя лишь из собственно языковых мотиваций, невозможно объяснить, почему в языке X, например, в одной предикации текста не бывает двух одинаковых местоимений 3 лица, а порядок слов различен в начале и в середине абзаца. Неизбежен выход в "экстралингвистические" сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений. Два последние типа объяснений в конечном счете сводимы к первому, так как культурные и социальные факторы не могут влиять на дискурс иначе чем через посредство когнитивной системы говорящего. Поэтому, а также по всем вышеупомянутым причинам, когнитивный подход к исследованию дискурса представляет собой чрезвычайно важную и актуальную проблему современной лингвистики» [Кибрик, 1994, с. 127-128].

Важность исследования дискурса с когнитивных позиций подчеркивается тем фактом, что дискурсивная практика связана с передачей знаний и с оперированием знаниями [Цурикова, 2001, с. 134]. В когнитивных исследованиях дискурса Л.В. Цурикова выделяет три направления:

- моделирование когнитивных процессов порождения и восприятия дискурса
- изучение самих структур репрезентации знания, способов хранения, обработки и извлечения знаний в процессе дискурсивной деятельности
- изучение и описание различных видов знания и представленной в структурах знания информации, необходимой для осуществления дискурсивного взаимодействия людей [Цурикова, 2001, с. 135].

Изучение структур репрезентации знания с позиции представленных в них видов информации включает в первую очередь обращение к аспектам объективной действительности, имеющим наибольшую значимость, в том числе для коммуникативной деятельности [Цурикова, 2001, с. 149]. При описании знания исследуются отражение реального мира в сознании человека, а при описании видов информации – способы выражения видов знания в процессе коммуникации [Цурикова, 2001, с. 149]. *Знания разделяют на языковые* (знания языка, его употребления, знания принципов речевого общения) и *внеязыковые* (о контексте, ситуации, общефоновые знания) [Цурикова, 2001, с. 149].

Таким образом, выступая средством решения коммуникативных задач, язык является также и средством, с помощью которого осуществляются мыслительные операции поиска и

извлечения информации. Когнитивный аспект коммуникации включает такие характеристики коммуникантов как их цели, мнения, убеждения, способы передачи или особенности восприятия информации [Шапочкин, 2013, с. 106].

Среди *разновидностей информации* в процессе коммуникации Л.В. Цурикова выделяет эксплицитную, конвенциональную, буквальную (имеющую языковое выражение) и имплицитную (подтекстовую) [Цурикова, 2001, с. 152]. При анализе дискурса следует учитывать, что адресант вкладывает в информацию свои *смыслы* в соответствии со своими интенциями. В процессе интерпретации информации возможно ее переосмысление, поэтому достоверное восприятие обеспечивается привлечением ситуативной привязанности, социокультурного контекста, фоновых знаний [Цурикова, 2001, с. 152].

Роль междисциплинарного подхода демонстрирует Р. Водак, рассматривая когнитивный и социокогнитивный подходы как часть исследований дискурсивных практик [Wodak, Meyer, 2001; Wodak, 2004; Водак 2006]. Изучение восприятия и понимания новостей позволило сделать вывод о том, что одна и та же информация интерпретируется получателем в зависимости от личного опыта, фоновых знаний, мнений и предвзятых стереотипов [Водак, 2006].

В.М. Алпатов, цитируя отечественного лингвиста М.В. Панова (1920-2001), отмечает важность его идеи об «антиномии говорящего и слушающего», проявляющейся в том, что слушающий не всегда принимает индивидуальные словоупотребления говорящего, стремящегося выразить тот или иной смысл [Алпатов, 2018, с. 27]. Язык является средством «приобретения и закрепления опыта людей, человеческого познания мира», при этом (согласно Гумбольдту) «символическая функция неотделима от коммуникативной», т.е. передаваемая посредством языка информация должна быть понятна получателю информации [Алпатов, 2018, с. 56].

Еще в 1960-1970-е гг. высказывается идея о необходимости рассматривать значение слова в связи с *коммуникативной ситуацией* и в *контексте* его употребления в составе словосочетания или предложения [Алпатов, 2018, с. 60]. В.М. Алпатов отмечает: «В зависимости от типа общения могут употребляться или менять значение те или иные слова и формы языка. Например, в русском языке местоимение *ты* и соответствующие глагольные формы употребляются только по отношению к младшим, подчиненным или близким людям. Можно считать, что соответствующие компоненты составляют часть их значения. Но при массовом типе общения эти компоненты исчезают, как это происходит в плакатных высказываниях типа *Не уверен — не обгоняй или Гаси (окурки)*. Однако при квазииндивидуальном типе общения происходит иное: телекомментатор к взрослому зрителю будет обращаться на вы.» [Алпатов, 2018, с. 25]. В широком смысле коммуникация предполагает общение, удаленное в пространстве и времени [Алпатов, 2018, с. 24].

ЗАДАНИЕ 1.3. Употребление личных местоимений является ярким примером реализации понятийного потенциала языковых единиц в зависимости от коммуникативно-прагматической ситуации. Ознакомьтесь с содержанием статьи Е.Ф. Серебренниковой,

посвященной дискурсивному потенциалу французского местоимения *nous* [Серебренникова, Е.Ф. *Дискурсивный потенциал местоимения Nous: виды инклюзии с точки зрения лингвосомиотического подхода // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2025. Вып. 2(58). С. 166-180.*]. В предлагаемом ниже фрагменте работы автор рассматривает основные подвиды ассоциативно-символической инклюзии, обозначаемые местоимением. Рассмотрите сходные ситуации, обратившись к примерам из русского языка.

«Выделяются следующие основные подвиды ассоциативно-символической инклюзии.

1. Всеобъемлющая инклюзия, условием которой является принадлежность лиц к роду человеческому: *Singe, ayant des bras et des mains, s'en sert comme nous, mais sans songer à nous* (Littré, 1966, p.823).

2. Собирательная инклюзия по ситуативно важному основанию, условием которой является принадлежность лиц к одной национальности, этническому происхождению, месту рождения или проживания: *La fumée des villages que les ennemis nous brûlent. Tout tourne contre nous* (Littré, 1966, p.824). В данном случае возможно нарастание условности в референциальном отношении, например, в рамках взгляда на национальное общество в векторе от настоящего к прошлому, который в определенной степени валидируется знанием исторических фактов: *Rome autrefois nous trompa, nous désunit, nous massacra* (Littré, 1966, p.825].

3. Собственно символическая инклюзия, условием которой является ярко выраженное категориальное отношение «идентичность-инаковость», утверждаемая идентичность и предполагаемое единство взглядов, мнения в некоторой конфликтогенной ситуации, позволяющее формирование групп единомышленников по проблемно осмысливаемому предмету речи: *Soyons à la mesure de nos rêves. Regarde-toi: nous t'attendons* (Legois, 2018, p.74).

Символизм в подобного рода эгоцентрической инклюзии имеет двоякий характер. С одной стороны, речь идет о конструируемой в дискурсе общности, когда реальность *Nous* условна, она либо утверждается, либо дискутируется. С другой стороны, речь идет о порождаемом символизме, который, как определяет А.Ф. Лосев, представляет собой свернутый код, ключ для декодирования ценностного концепта определенной референциальной сферы, репрезентирующего некий фрагмент картины мира (Лосев, 1995)» [Серебренникова, 2005].

ЗАДАНИЕ 1.4. Ознакомьтесь также с содержанием статьи П.Н. Толстогузова (Толстогузов, П.Н. *Местоимения как ключевой элемент просодии в славянской псалтири: на примере 90 псалма // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 4(49). С. 101-106.*) В приведенном ниже фрагменте показано, как употребление местоимений в тексте девяностого псалма указывает на диалогическую вовлеченность говорящего в ситуацию присутствия.

«Еще наблюдение: там, где есть возможность избежать, скажем, возвратно-притяжательной формы местоимения и использовать вместо нее лично-притяжательную форму со значением непосредственного диалогического отношения (например, «твое» вместо «свое»), церковнославянский книжник обязательно сделает это (ср.: «да не когда преткнеши о камень ногу твою»).

Кроме того, в псалме есть три фразовых зачина на «яко»: «Яко Той избавит тя», «Яко Ты, Господи, упование мое», «Яко на Мя упова и избавлю и». Они расположены, соответственно, в начале, середине и в конце текста, что может свидетельствовать об их роли композиционных маркеров и смысловых скреп. (Значение «яко» здесь «потому что / так как».) Получается трехступенное восхождение ко все более личным формам обращения: «яко Тот (Он)», «яко Ты», «[того] яко на Мя упова» — то есть указание на третье лицо (констатация), на второе лицо (обращение), на Себя (изъявление). Псалом живет логикой раскрытия: Бог открывается псалмопевцу в восходящей к предельному выражению личной форме, запрашивающей такую же личную форму у собеседника.

Интересна коллизия личных форм, в которой участвуют в первую очередь первое и третье лица местоимений, но также и третье: «Бог мой и уповаю на Него — яко Той избавит тя, от сети ловчи и от словесе мятежна». Эта коллизия особенно выразительна в 9 стихе: здесь происходит переход от первого лица ко второму при сохранении идентичности субъекта речи, который предстает как двоящийся субъект признания («Яко Ты, Господи, прибежище мое») и наставления, адресованного самому себе («Вышняго положил еси прибежище твое»).

Переводчик может рационально разделить эти моменты на роли (как, например, это сделал вслед за экзегетами М. Г. Селезнев, указав на речевые партии праведника и псалмопевца в 9 стихе, см.: [8]), но при этом отчетливо нарушается то, что можно назвать принципом буберовской биполярности «основного отношения» Я — Ты, которое представляет собой *coinsidentia oppositorum*, нерасторжимое «единство противоположностей» [Толстогузов, 2022, с. 103-104].

Разные источники дают возможность «глубже понять смысл сложных и часто полемических идей, усвоить интеграционный, междисциплинарный характер теоретических и прикладных направлений науки о языке, осмыслить многообразие концепций и терминов, переходящих из одной области знания в другую» [Землянова, 2004, с. 12].

Примером обращения к идее междисциплинарного взаимодействия может служить монография «*Ризоморфный клубок*»: *когниция vs коммуникация. Монография / Колмогорова, А.В., Чистова, Е.В., Мартынюк, К.В. и др. Отв. ред. А.В. Колмогорова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 252 с.*, авторы которой поставили задачу «лингвистически проиллюстрировать образ ризомы как метафоры для описания не прямых, но интенсивных корреляций между коммуникативными и когнитивными процессами, обуславливающими существование человека как *Homo loquens* и *Homo sapiens* одновременно». В этом коллективном труде «изучаются различные, зачастую множественные точки пересечения

когнитивных и коммуникативных процессов, где генерируются какие-то новые свойства как когнитивного, так и коммуникативного поведения представителей определенного социального сообщества». Используя метафорический образ ризомы для лингвистического анализа, авторы акцентируют внимание на таких принципах, предложенных философами (Делез, Гваттари, 1996) при описании рассматриваемого понятия, как принцип соединения и неоднородности, отсутствие противопоставлений, возобновления, картирования («пересекающиеся в ней множества могут формировать нечто новое»).

ЗАДАНИЕ 1.5. Ознакомьтесь с фрагментом предисловия к цитируемой выше монографии, в котором говорится о значимости интеграции наук и научных направлений в современной лингвистике.

«Развитие современной лингвистики показывает нам, что последняя все больше интегрируется с другими, не только гуманитарными, но и естественными науками: на повестке дня вопрос «трансфера знаний» – переноса теоретических достижений из одной научной дисциплины в другую (Демьянков, 2015). Специалисты в области когнитивной науки приводят все больше примеров того, что отношения когнитивных процессов и коммуникативных отнюдь не иерархичны (на заре развития когнитивной лингвистики в России в конце XX в. общепринятым был тезис о том, что языковая форма является отражением когнитивных структур, однако сегодня специалисты в области когнитивной науки не столь категоричны), а синкретичны, т. е. данные процессы, будучи неоднородными, пересекаются одновременно во множестве точек. Об этом, например, свидетельствуют данные нейрофизиологов: если начиная с конца XIX в. считалось, что в мозге есть специальные зоны, отвечающие за понимание и продуцирование речи (зоны Брока и Вернике), то современные исследования, в частности работы Ф. Пульвермюллера (Pulvermüller, 2013), показывают, что единицы когнитивного опыта человека закрепляются в сети нейронов, распределенной по всей коре головного мозга и кодирующей одновременно различные виды информации (сенсомоторную, визуальную, аудиальную и в том числе вербальную) таким образом, что при восприятии, например слов-обозначений действия, в мозге активируются ансамбли нейронов, отвечающих не только за обработку вербальных символов или аудиальное восприятие, но и за сенсомоторные реакции» [«Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация, 2017].

ЗАДАНИЕ 1.6. О взаимодействии когнитивной лингвистики с теорией коммуникации, теорией дискурса, социолингвистикой и этнолингвистикой рекомендуем обратиться к работе *Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Скребцова, 2018, с. 39, 41].*

Уже в ранней версии отечественной когнитивной лингвистики, в отличие от зарубежной, отмечается необходимость изучения актов номинации с учетом их зависимости от социально-исторических условий, культурно-исторического контекста, прагматических

факторов речи (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев) [<http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80>]. Это положение требует рассмотрения проблемы соотношения семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языковых явлений, а также обращение к сфере коммуникации (см. соответствующие разделы).

Для более полного представления о предпосылках взаимосвязи когнитивного и коммуникативного направлений проанализируем наиболее репрезентативные понятия.

Слово «когнитивный» и в узком и широком смыслах соотносится с понятием «*знание*». В первом случае оно обозначает процессы приобретения, хранения и использования знаний, во втором – ««метакогнитивные» знания о знании, содержания восприятия, социокультурные нормы и стереотипы, а иногда также и мозговые механизмы, эмоции, аффекты и их внешние проявления в поведении» [Величковский, 2022].

Подходы к изучению когнитивных аспектов языковых единиц и репрезентации знаний в исследованиях отечественных лингвистов сводятся к следующим [Дудова, 2014, с. 70]:

- культурологический (Ю.С. Степанов)
- лингвокультурологический (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Н.А. Красавский, Н.Ф. Алефиренко)
- логический (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павиленис)
- психолингвистический (И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская)
- лексико-семантический (Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, А.И. Стернин, Г.В. Быкова)
- общеконцептуальный (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Д.С. Лихачев)
- прототипический ((Н.Н. Болдырев, Т.А. Фесенко, Е. В. Милосердова, Е. М. Позднякова, А. Л. Шарандин)
- дискурсивный (А.А. Кибрик, Л.В. Цурикова, В.И. Карасик).

Кроме знания актуальной проблемой когнитивистики является *проблема понимания речи*. Это связано с понятием субъекта как «гипотетического внутреннего наблюдателя, «рассматривающего» ментальные репрезентации внешних объектов» [Величковский, 2022]. В коммуникации этот аспект играет важную роль. Принцип *экспланаторности*, означающий «установку на объяснение языковых фактов», подчеркивает стремление когнитивистов к интерпретации языковых форм, отражающих понимание человеком окружающего мира [Скребцова, 2018, с. 37]. С позиций коммуникации этот принцип применим при дискурсивном анализе, предполагающем интерпретацию передаваемых адресантом смыслов.

Главной когнитивной составляющей наряду с восприятием, вниманием и другими способностями человека является *язык* (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев) [<http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80>]. Когнитивный подход к языку, как отмечает А.А. Кибрик, – это «убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением

когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик, 1994, с. 126].

Обратимся к следующему определению: «Термин «когниция» в когнитивной лингвистике, в отличие от его понимания эпистемологией и гносеологией, начинает обозначать не только процессы научного и обыденного познания, но и (будучи употребляемым во множественном числе) некие единицы познанного, единицы знания, мнения и оценки, в качестве которых выступают разные форматы и структуры знания» (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев)» [[http:// bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80](http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80)].

К таким структурам как результату осмысления познавательного опыта относятся:

- концепты
- фреймы
- сценарии
- категории
- матрицы
- концептуальные системы
- картина мира.

Важными для понимания взаимодействия когнитивистики с другими подходами являются понятия *категории* и *концепта*. Понимание категории в когнитивной лингвистике отличается от традиционного и сформировалось под влиянием прототипического подхода, допускающего объединение в категорию единиц, обладающих относительным сходством (См. подробно Рянская, 2002). *Категоризация* рассматривается как «процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы и/или группы на основании общности когнитивных признаков». Под *концептуализацией* понимается «процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе – и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и/или представление об этом явлении и отличать его от других феноменов» [Дзюба, 2018, с. 4-5].

В один из периодов развития лингвистических направлений активно исследуются *картины мира* на материале различных языков. «Они основаны на представлении о том, что необходимо различать научную картину мира, принципиально выразимую на любом языке <...>, и «бытовые», «наивные» картины мира, в разной степени специфичные для разных языков. <...> различия здесь могут быть связаны с историческими изменениями языка и с его неоднородностью в один и тот же момент времени (литературный язык, диалекты, просторечие)» [Алпатов, 2018, с. 65]. Следует отметить, что понятие картины мира актуально не только для когнитивного аспекта исследований языковых явлений, но и для изучения таких когнитивно-коммуникативных процессов как понимание и речевое воздействие (см. соответствующие разделы).

ЗАДАНИЕ 1.7. Предлагаем краткий обзор трактовок картин мира, изложенный в монографии *Рянская, Э.М. Когнитивный аспект лингворегиональных исследований:*

«Проблема картины мира в отечественной лингвистике достаточно хорошо описана (см., например: Колшанский, 1990; Залевская, 1992; Маковский, 1992; Яковлева, 1994; Вежбицкая, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997; Аругюнова, 1998; Урысон, 1998; Рахилина, 2000; Новикова, 2000; Чернейко, 2001; Попова, Стернин, 2002; Шмелев, 2002; Корнилов, 2003; Карасик, 2004; Рылов, 2006 и др.), поэтому мы ограничимся кратким перечислением трактовок данного термина, который, впрочем, следует употреблять во множественном числе, поскольку речь идет о разнообразии картин мира. Прежде всего, данный термин часто используется как общий, без конкретизации, о какой картине мира идет речь, и может обозначать совокупность знаний или образ мира, например:

«употребленная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2002: 5];

«образ мира как энциклопедические знания о мире» [Залевская, 1992: 15];

«целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2004: 88];

«образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека как результат духовной и познавательной деятельности» [Манакин, 2004: 43].

Совершенно очевидно, что данные определения требуют дальнейших уточнений, поскольку в соответствующем контексте использования термин дифференцируется как: языковая картина мира, национальная (этническая) картина мира, научная картина мира, концептуальная картина мира, когнитивная картина мира, наивная картина мира, художественная картина мира, авторская картина мира и даже профессиональная картина мира. И этот список далеко не полный, поскольку исследователи используют комбинации перечисленных терминов.

Под **языковой картиной мира** в целом понимается отражение реального мира в языке:

«совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин, 2002: 6];

«результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [Корнилов, 2003: 112].

Однако следует согласиться с О.А. Корниловым, что нет просто языковой картины мира: «это не инвариант наивного осмысления мира неким коллективным обыденным надязыковым сознанием человечества, который затем воплощается с небольшими нюансами во всех национальных языках, т.е. во всех национальных языковых картинах мира, каждая НЯКМ фиксирует уникальное мировосприятие именно данного языкового сообщества» [Корнилов, 2003: 113].

<...>

В науке принято также говорить о «**наивной**» картине мира. Представляется, что наивная и научная картины мира — это своего рода два полюса познавательной деятельности человека. **Наивная картина мира** формируется в результате первичного восприятия мира, является более гибкой, построена на практическом знании, лучше приспособлена для обыденной жизни человека, в то же время «диалектична и допускает противоречивые определения вещей» [Карасик, 2004: 89]. Научная картина мира формируется в результате углубления наблюдений и переживаний человека, научного осмысления мира и себя в мире, построения моделей и теорий [Там же], она эволюционирует по мере развития человеческого общества и научного знания [Корнилов, 2003: 7—8]. Тот факт, что в языке находит отражение прежде всего наивная картина мира, является общепризнанным [Кобозева, 1995: 102].

В современной методике исследований отмечаются две тенденции: реконструкция наивной модели мира и интерпретация значений языковых единиц с опорой на научные понятия [Яковлева, 1994: 73]. <...> Научная картина мира может рассматриваться и как часть национальной картины мира, фиксируя научные знания об окружающей действительности, например, в терминсистеме того или иного языка [Корнилов, 2003: 112].

<...>

В отличие от языковой картины мира, более стабильной и устойчивой, когнитивная картина мира подвержена изменениям, обусловленным познавательной и социальной деятельностью человека. Когнитивная (иногда используется термин концептуальная) картина мира отражает суть репрезентации действительности: через формирование понятий как универсальных (таких как время, пространство, причина, следствие и т.д.), так и специфических, социокультурных. Различие между языковой картиной мира и когнитивной картиной мира состоит в том, что в первом случае речь идет о фиксации знаний о мире в языке, во втором — о концептуальной репрезентации действительности в многообразии ее внешних и внутренних связей, существующей в виде определенной системы понятий [Шафиков, 1998: 10]. Переход из одной концептуальной системы в другую есть, по мнению Г.В. Колшанского, «перемещение знаний от одного индивидуума (народа) к другому», а взаимопонимание осуществляется благодаря «единой логико-мыслительной базе, на которой могут строиться различные концептуальные картины» [Колшанский, 1990: 51].

ЗАДАНИЕ 1.8. Сравните также трактовки терминов, данные в лингвистических словарях:

«**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.** Внутренняя форма языка (Куликова И.С., Салмина Д.В., 2002). В свою очередь, внутренняя форма языка трактуется как специфический для каждого языка способ отражения и представления в языке действительности, «языковое мировидение» (В. Гумбольдт). В работах представителей

Московской лингвистической школы встречается выражение «языковая картина мира». Ю.Д. Апресян говорит о «наивной картине мира» (Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 57 и сл.). <...>» [Жеребило, 2010, с. 476].

«НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА. Разновидность концептуальной картины мира, стремящейся к интернационализации, результат теоретического познания сущностных свойств объекта» [Жеребило, 2010, с. 211].

«НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА. Разновидность концептуальной картины мира в результате практического познания действительности, имеющая этническую (национальную) специфику и находящая выражение в лексическом составе языка» [Жеребило, 2010, с. 98].

«КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. По В.И. Постоваловой, это глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» [Жеребило, 2010, С. 165].

«**ЯЗЫКОВА́Я КАРТИ́НА МИ́РА** – совокупность представлений о мире, содержащихся в словарном составе и в семантике грамматических категорий языка. «Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Серебренников 1988: 11]» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 788].

«В лингвистике <...> чаще всего выделяют **концептуальную (научную) и языковую** картины мира. Согласно Б.А. Серебренникову, концептуальная картина, или модель мира, шире и богаче языковой, поскольку в её создании участвуют разные типы мышления, в т.ч. и невербальные: единицами мыслительной деятельности выступают и образы, схемы, представления. Внутри концептуальной картины мира сосуществуют области, более и менее подверженные языковому влиянию. Поэтому о **разных** картинах мира можно говорить лишь условно.

Ядро Я.к.м. образует «наивная картина мира» – относительно постоянная, медленно изменяющаяся. Это продукт первичного знакообразования в каждом языке. Оно носит характер наивного, в т.ч. антропоморфного: обозначение элементов мира через аналогии с человеком (*подошва горы, обочина дороги, жерло вулкана, горлышко бутылки*) и зооморфного представления о мире природы и человека (ласковые обращения *киса* и *зайка* или, напротив, грубые сравнения человека с животными: *свинья, осёл, крыса*). В этом смысле говорят о наивной биологии, наивной геометрии, физике и т.д. Фрагмент наивной картины мира – совокупность наивных, донаучных представлений и о самом языке; сам феномен метонимически назван по самому активному органу производства речи [Арутюнова 2000]. Научная картина мира не

зависит от языка, отражает достигнутый в данное время уровень познания. Она строится сознательно, целенаправленно, стремится к объективности, логичности, представлена в терминологии, дефинициях, системе доказательств» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 789].

В заключение рассмотрим в сравнении трактовки терминов «когниция» и «коммуникация».

ЗАДАНИЕ 1.9. Обратитесь к фрагментам интерпретации термина «когниция», представленным в словарной статье «КОГНИЦИЯ» словаря *Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учеб. пособие / Под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. С. 87-88.* Перечислите, с какими понятиями соотносится термин «когниция».

«Ведь когниция в метаописании когнитологов мыслится как формируемая и как формирующая *миропонимание* сила» (Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С.84).

<...> когниция трактуется как разновидность речевой деятельности, <...> две характеристики деятельности – процесс и результат (т.е. познание и понимание) и, как и понимание, представляет собой ипостась мышления (Кубрякова, 1996: 81). Когниция, с точки зрения когнитологии, ассимилирует понимание: в ее пределах «деятельность индивида направлена на установление смысла и представлена в виде структуры, объясняющей разнородные и постоянно меняющиеся элементы» (Демьянков, 1996: 124)» (Соловьева И.В. Текст. Проблема определения понимания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25 С. 84).

Первый вывод основывается на взаимосвязи интерпретации и процессов познания (когниции). <...> в когнитивной парадигме научного знания когниция и интерпретация рядоположены» (Демьянков, 1994: 27) <...> (Берзина Г.П. Интерпретирующий характер категории уступительности // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 463).

<...>

“<...> термин – это квант когниции, что это единица специального знания, функционирующая в рамках определенного фрагмента научной картины мира. При этом, связывая сразу сущность (природу) термина с выполняемыми им функциями, ученый подчеркивает, что главной функцией термина, вопреки распространенному мнению, является не номинативная и не информационная, а когнитивная, то есть функция познания, и лишь потом функция фиксации знаний (Лейчик, 2007: 124)» (Ивашкевич И.Н. Структуры представления знаний как схематизация опыта в языке

международного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31(322). С. 91).

“Понятие «лингвокогнитивная деятельность» («дискурсивная деятельность» как познание через речевое общение/коммуникацию) шире понятия «речемыслительная деятельность», поскольку в парадигме когнитивной семиотики когниция (познание) предполагает единство перцепции, мышления, эмоции и действия” (Леонтьева К.И. Антропоцентрическое моделирование (художественного) перевода: взгляд с позиции когнитивной семиотики // Когнитивные исследования языка. 2017. № 28. С. 382)».

Обращение к определениям термина *когниция* в различных источниках позволяет выделить следующие ключевые слова:

познание, познавание, мышление, восприятие, знания, процессы обработки и переработки информации, ментальные процессы, концепты, категории, восприятие и порождение речи, интерпретация, воздействие, запоминание и хранение информации, принцип экспланаторности, означающий «установку на объяснение языковых фактов», опыт, культура, картина мира

В качестве ключевых слов в описаниях *коммуникации* выступают:

общение, средство общения, речевое общение, обмен информацией, психологические потребности человека, употребление языка или одной из форм, процесс передачи информации, акт общения, связь между людьми посредством передачи знаков и символов, взаимопонимание, мышление, «квант» знания, «связь, сообщение, средство связи, передачу сведений, мыслей, новостей, известие, информацию», взаимодействие людей, информация, воздействие, знания, когнитивные пространства коммуникантов, концепт, категории, значение слова, восприятие и порождение речи, интерпретация, запоминание и хранение информации, интерпретация передаваемых адресантом смыслов, опыт, культура.

Сравнение ключевых слов позволяет обозначить те понятия, которые являются общими или смежными (Таблица 1).

Таблица 1

КОГНИЦИЯ	КОММУНИКАЦИЯ
речевая деятельность	порождение речи
познание через речевое общение	речевое общение
взаимодействие	взаимопонимание, взаимодействие
мышление	мышление

знание	знание
концепт	концепт
категория	категория
смысл	смысл
информация	информация
интерпретация	интерпретация
воздействие	воздействие
опыт	опыт
культура	культура
познание, восприятие	понимание
миропонимание	картина мира

Основываясь на проведенном сравнении, выделим *базовые* и смежные им понятия, которые могут быть признаны как принадлежащие обеим исследовательским сферам в лингвистике – когнитивной и коммуникативной и которые требуют более пристального рассмотрения: *когниция* (категоризация, концептуализация, обработка и хранение информации, представление знаний, эволюция смыслов, принципы когнитивного анализа, когнитивные модели), *коммуникация* (текст, текстовое пространство, текст и дискурс, восприятие и понимание текстового содержания), *информация* (информативность, информационно-смысловое содержание текстов, культурно значимые маркеры текста, интерпретация).

Таким образом, взаимодействие когнитивного и коммуникативного подходов ориентировано на исследование освоения (познания), концептуализации мира в сочетании с прагмалингвистической природой языковых средств, обусловленной функциональным потенциалом языка.

ЗАДАНИЕ 1.10. Рекомендуем ознакомиться с литературой по вопросам истории возникновения когнитивной лингвистики и ее характеристики как научного направления:

1. Величковский, Б.М. Когнитивная наука. URL: <http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-nauka-247ea2>
2. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для высших учебных заведений. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б.и.], 2018. С. 10-16.
3. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С. 153.
4. Когнитивная лингвистика. Большая российская энциклопедия // bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80
5. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ...д-ра филол. наук. М., 2003. С. 24.

6. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 6-33.

7. Хомутова, Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.

ЗАДАНИЕ 1.11. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме взаимодействия когнитивного и коммуникативного направлений:

1. Алпатов, В. Языкознание. От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. 253 с.

2. Величковский, Б.М. Когнитивная наука. URL: <http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-nauka-247ea2>

3. Водак, Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Перевод О.А. Солоповой. 2006. URL: <http://www.cognitiv.narod.ru>

4. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: [б.и.], 2018. 280 с.

5. Дудова, Н.А. Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Ч. II. С. 69-71.

6. Карасик, В.И. Языковые камертоны смысла: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. 416 с.

7. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ...д-ра филол. наук. М., 2003. С. 24.

8. Кибрик, А.Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

9. Когнитивные исследования языка. Вып. № 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (20–21 апреля 2023 года). Ч. I / Отв. ред. вып. Л.А. Фурс. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. 816 с.

10. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие [электронная версия]. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

11. Обдалова, О.А., Минакова, Л.Ю. Взаимосвязь коммуникативных и когнитивных аспектов в обучении иноязычному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. 1. С. 148–153.

12. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 6-33.

13. Хомутова, Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.

14. Цурикова, Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 128-157.

Раздел 2. КОГНИЦИЯ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДРУГИМИ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Для понимания феномена когниции и ее взаимосвязи с другими процессами правомерна постановка вопроса: что изучает когнитивная наука? Проведенный Е.В. Дзюба [Дзюба 2018] анализ научных работ позволяет выделить несколько направлений:

- системы представления знаний и процессов обработки и переработки информации (Е.С. Кубрякова)

- ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, виды и формы их ментальных репрезентаций (З.Д. Попова, И.А. Стернин)

- теория и практика описания концептов (концептуальные исследования) (В.А. Маслова)

- теория концептуальной метафоры, категоризация, когнитивная семантика, ментальные пространства и их интеграция, топологическая семантика (Т.Г. Скребцова)

- теория когнитивной семантики, теории категоризации и концептуализации, теории концептуальной метафоры, теории ментальных пространств и др. (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.В. Рахилина, О.Н. Селивестрова и др.).

Подробный анализ представлен в таблицах с указанием представителей школ и направлений лингвокогнитологии (Дзюба, Е.В. *Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для высших учебных заведений. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б.и.], 2018. с. 19-29*).

ЗАДАНИЕ 2.1. Основными понятиями когнитивной лингвистики, наряду с когницией, являются понятие и концепт. Познакомьтесь с приведенными ниже трактовками терминов. Подберите дефиниции к терминам по другим источникам:

КОГНИЦИЯ «(cognition, Kognition) – центральное понятие когнитивной науки, достаточно трудное для русского перевода и потому сохраняемое нами в транслитерированной форме для подчеркивания этого своеобразия; причудливо сочетающее в себе значения двух латинских терминов – *cognitio* и *cogitatio*, – оно передает смыслы «познание», «познавание» (т.е. фиксируя как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты), а также «мышление», «размышление». Чаще всего оно обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком. К. ярко отражает сущность *homo sapiens'*а и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т.п. К. есть проявление умственных,

интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира – всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека» [Кубрякова и др., 2014, с. 439]

ПОНЯТИЕ. «1) Единица логического мышления, непосредственной всего связанная со словом. Понятие указывает на существенные признаки предметов и явлений объективного мира. Признаки понятия включают его в ту или иную систему знаний, устанавливают между понятиями определенную иерархию. Например, мебель включает, будучи родовым и общим понятием, все видовые понятия: шкаф, стол, стул, диван и т.п. 2) Форма абстрактного мышления, отражающая общие и существенные признаки класса однородных предметов и имеющая вербальную форму выражения» [Жеребило, 2010, с. 270]

КОНЦЕПТ – «это инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение. За этим термином стоит такое представление об устройстве памяти, которое выражается в постулировании особой (статической в отличие, например, от ФРЕЙМА) когнитивной структуры сознания, хранящей в знаке знания и представления носителей определенной культуры о явлениях внеязыковой действительности» [Чернейко 2005, с. 63].

«Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Бабушкин, Стернин, 2018 с. 6-8].

ЗАДАНИЕ 2.2. Познакомьтесь с фрагментами работы Т.Г. Скребцовой, посвященными понятию концепта. В чем состоит критика автором использования термина «концепт»? В каких случаях ученый допускает использование этого термина?

«Термин концепт чрезвычайно популярен у отечественных языковедов, пишущих о когнитивной лингвистике и/или себя к ней причисляющих. Вал публикаций по «концептам» не просто огромен, он необозрим в принципе. Впрочем, это не повод расстраиваться, ибо подавляющее большинство этих работ написаны как будто под копирку. Они начинаются с утверждения о том, что концепт является ключевым

понятием когнитивной лингвистики, сопровождаемого ссылками на одно из учебных пособий – [Маслова 2007: 41] либо [Попова, Стернин 2010: 29].

<...> во всем мире слыхом не слыхивали ни про какие концепты и концептологию как отрасль когнитивных исследований языка. Все это исключительно «достояние» отечественной науки.

Конечно, можно объяснять и оправдывать активное внедрение термина концепт общим движением гуманитарных наук от философии и логики в сторону психологии (см. гл. 3.1), в результате чего категоризация подменила собой классификацию, когниция вытеснила познание, а концепт заместил собой понятие. Разумеется, члены пар не эквивалентны, но характерный сдвиг в узусе налицо. Можно также указать на формирование лингвокультурологии и бум исследований в области межкультурной коммуникации, что также повлияло на широкое распространение «концептов». Все это, к сожалению, не меняет положения вещей.

Но гораздо хуже другое: была порождена, на мой взгляд, в значительной мере псевдосущность, которая по своему содержанию каким-то неясным образом соотносится с терминами понятие и значение. В итоге и без того непростые отношения между понятием и значением, которые благодаря дискуссии языковедов и логиков в 1960-е гг. удалось более или менее установить и закрепить, теперь осложняются появлением нового «участника», причем очевидно, что выяснять отношения между двумя сторонами всегда легче, чем между тремя.

Полностью игнорировать присутствие термина концепт в отечественной научной литературе невозможно. В этой ситуации кажется разумным попытаться выделить некий «сухой остаток» в виде определенных типов контекстов, в которых употребление данного термина происходит чаще всего (хотя и там без него вполне можно обойтись). С моей точки зрения, таких контекстов два, а именно: 1) культурные концепты как лингвоспецифичные понятия, отражающие уникальность соответствующей языковой картины мира и 2) базовые концепты (то, что Э. Рош называла категориями базового уровня) — первичные понятия, возникающие у ребенка еще до усвоения языка и впоследствии составляющие основу понятийной системы человека. Дальнейшее изложение как раз и строится вокруг этих двух типов концептов» [Скребцова, 2018, с. 332-335].

КОГНИЦИЯ И ЗНАНИЕ

Как было показано в Разделе 1, когниция соотносится с понятием «знание». Когнитивная лингвистика предполагает изучение и описание:

- процессов приобретения, хранения и использования знаний
- фиксации знаний
- системы репрезентации знаний
- различных видов знания и представленной в структурах знания информации

-единиц знания, в качестве которых выступают разные форматы и структуры знания (категории, концепты, картина мира и т.д.).

Что касается видов знания, то анализ литературы по этой проблеме позволяет выделить в качестве основных разновидностей следующие:

когнитивные – знания о мире, отраженные в сознании человека

лингвистические знания – знание языка и правил, норм его употребления

внеязыковые знания – общефоновые, ситуативные, контекстуальные

коммуникативные знания – знания принципов речевого общения.

Коммуникативная лингвистика в этом аспекте связана с решением таких вопросов как:

-передача знаний, оперирование знаниями

-извлечение знаний в процессе дискурсивной деятельности

-извлечение представленной в структурах знания информации

-выражение видов знания. (Более подробно см. в разделах «Коммуникация» и «Информация»)

ЗАДАНИЕ 2.3. Познакомьтесь с трактовкой понятия «формат знания» в работе Болдырев, Н.Н. *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с. Какие основные форматы знания выделяет ученый?

«<...> концептуальная система человека и концептуальная система языка включают в себя знания самого разного формата с точки зрения их структуры и содержания. Здесь и далее под **форматом знания** будем понимать **определенную форму организации и представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях**. При этом и со структурной, и с содержательной точек зрения можно условно говорить о двух основных типах форматов знания: **концептуально-простых и концептуально-сложных** <...>.

К первому типу относятся концепты, которые по своему определению имеют элементарную структуру: чувственный образ, схема, представление, понятие, прототип и т. п. Элементарность их структуры и содержания проявляется в том, что они могут быть исчислены набором определенных взаимосвязанных и достаточно предсказуемых характеристик. <...>

Второй тип охватывает несколько видов форматов, которые традиционно называют концептуальными структурами. К их числу относятся: 1) структуры стереотипного знания, включающие обязательные и факультативные компоненты и их основные характеристики, 2) структуры знания категориального формата, 3) структуры многоаспектного знания» [Болдырев 2018, с. 82-83].

В цитируемой работе Н.Н. Болдырев рассматривает формат знания как категорию – «это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию». Она объединяет следующие структуры

знания: «1) знание общего концептуального основания для объединения тех или иных объектов, 2) знание самих объединяемых объектов и 3) знание принципов и механизмов их объединения, т. е. может рассматриваться как определенная концептуальная структура интегративного типа» [Болдырев 2018, с. 84].

Что касается языковых категорий, то, согласно Н.Н. Болдыреву, они представляют собой «определенные формы осмысления мира в языке, т.е. **формы языкового сознания и форматы знания особого типа – языкового знания**». Языковое знание – это часть концептуальной системы человека и *«есть результат познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, т. е. его функционирования»* [Болдырев 2018, с. 85]. Ученый выделяет три разновидности языкового знания, которые представлены в трех системах языковой категоризации: вербализованное знание об объектах окружающего мира (лексическая категоризация), знание собственно языковых форм, их значений и категорий (грамматическая категоризация), знание языковых единиц и категорий модусного характера (служащих целям интерпретации концептуального содержания)» [Болдырев, 2018, с. 85-86].

В *Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов* понятие «знание» в трактовке отечественных лингвистов представлено как когнитивная операция, когнитивный процесс, образ познаваемого, результат процесса познания и как информация об окружающем мире и человеке. Указаны также следующие разновидности знаний, отмеченные в выдержках из работ: языковые, коллективные, эмпирические, социокультурные, фоновые, теоретические, процедурные [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022, с. 39-42].

ЗАДАНИЕ 2.4. Ознакомьтесь с содержанием статьи «ЗНАНИЕ» в словаре *Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учеб. пособие / Под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. 216 с.* [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022, с. 39-43]. Как соотносятся с термином «знание» ключевые слова «информация», «данные», «сведения», «результат познания», указанные в контекстах употребления? Опишите виды знаний, используя данные в статье трактовки.

ЗНАНИЕ И ПОНИМАНИЕ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Соотношение *знания и понимания* в когнитивной лингвистике базируется на установке, «что учет контекста и общих знаний происходит в мозгу человека параллельно с анализом заключенной в высказывании собственно лингвистической информации и оказывает на последний непосредственное влияние» [Скребцова, 2018, с. 26].

Стремление к познанию и пониманию составляет одну из когнитивных потребностей человека, реализация которой «не сводится только к приобретению новой информации, она имеет отношение и к пониманию, и к систематизации, и к анализу фактов и выявлению

взаимосвязей между ними, и к построению некой упорядоченной системы, в которой стремление к познанию всегда предшествует стремлению к пониманию» [Обдалова, Минакова, 2013, с. 149-150]. Высказывается мнение, что «когнитивные аспекты обладают приоритетом над коммуникативными, поскольку такие когнитивные процессы, как память, внимание, мышление и воображение, активизируют иноязычную речевую деятельность» [Обдалова, Минакова, 2013, с. 149-150].

Для понимания важно, что когниция «внеположена истинностному значению и оперирует как (истинным) знанием, так и заблуждениями». Когниция как процедура порождает и использует знания и мнения, часть которых могут быть ошибочными или неадекватными [Демьянков, 1994, с. 24]. Следует также учитывать, что способ репрезентации знаний соотнобразится с социокультурным опытом носителя знания: «<...> мир (вопреки расхожему представлению о когнитивизме) – не индифферентный поток информации, только подвергаемый обработке. Когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре. Речевое общение направлено на установление договоренностей о нормах в употреблении значений, интерпретаций и понятий» [Демьянков, 1994, с. 25].

ЗАДАНИЕ 2.5. В статье В.З. Демьянкова (*Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33.*) рассматривается понятие «языковая когниция». Обратившись к включенным ниже фрагментам работы, сформулируйте, какую роль в понимании выполняет интерпретация.

«Когниции человека (речевые или зрительные «события» в потоке его сознания) базируются на установках или предположениях (схемах), выработанных в результате предшествующего опыта».

«В филологии интерпретация речи человеком – это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками [В.З. Демьянков 1989]. Когнитивисты заставляют поставить вопрос о том, как и когда индивид отбирает из богатства языка именно данные его средства. Вот эти-то средства и получают общее название «языковая когниция» [Демьянков 1994, с. 27].

«Итак, понятие языковой когниции совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод – речь. Если эту речь нужно продуцировать, внутренний мир интерпретируется в виде речи. Когда же речь задана как объект восприятия – интерпретируется она» [Демьянков 1994, с. 30].

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Концептуализация рассматривается как «процесс познавательной деятельности человека, ориентированный на осмысление поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Жеребило 2010, с. 165].

ЗАДАНИЕ 2.6. Обратившись к приведенному ниже фрагменту статьи (Рянская, Э.М. *Потенциал частей речи в выражении аспектуально-временных значений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 249-252.*), укажите подходы к концептуализации времени и языковые ресурсы репрезентации понятийных ситуаций времени.

«Идея времени, рассматриваемого в широком смысле, находит свое отражение в категориях темпоральности и аспектуальности, отличие между которыми основывается на вычленении разных представлений о временном характере процесса. Темпоральность отражает степень реализации действия во времени, в то время как аспектуальность связана с репрезентацией стадии совершения действия или его временной протяженности (временем, необходимым для его реализации). Следует добавить, что в современной лингвистике широко известна «модель временных отношений» Г. Рейхенбаха, которая послужила основой для объединения темпоральности, таксиса, аспектуальности, временной локализованности действий в понятие «временные отношения». А.В. Бондарко включает в функциональную сферу, связанную с идеей времени, категорию «временного порядка», которая трактуется как представление «времени в событиях» на временной оси, включая обозначения моментов времени и интервалов (на другой день, через пять минут и т.п. [Бондарко 1996, с. 167-198].

Достижения современной когнитивной лингвистики позволяют рассмотреть новые аспекты феномена языковой репрезентации времени. Когнитивные механизмы формирования временных смыслов обуславливают использование различных языковых средств концептуализации времени, среди которых прямая номинация временной характеристики и развитие полисемии [Маховикова 2012, с. 6]. Полисемия является одним из средств концептуализации опыта и принадлежит к наиболее антропоцентричным категориям лексической системы наряду с синонимией и антонимией [Радбиль 2010, с. 99]. Анна А. Зализняк, подчеркивая значительные достижения когнитивной лингвистики в исследовании феномена языковой многозначности, выделяет ряд принципов когнитивного подхода к данному явлению: наличие многозначности у всех языковых единиц; отсутствие для многозначной

единицы единого ядерного (инвариантного) значения; возможность представления в форме схематического образа значения языкового выражения; отсутствие принципиальной разницы между описанием полнозначных слов, служебных слов и морфем [Зализняк 2004, с. 19]. Следовательно, мы можем говорить о равноправном потенциале различных частей речи к реализации того или иного временного признака. Потенциальность выводится из значений слова и имеет эксплицитно или имплицитно выраженный характер. Исходя из того, что поле темпоральности пересекается с периферийной зоной аспектуальности [Федорова 2014, с. 10], способность выражать аспектуально-темпоральные оттенки может быть присуща языковой единице, обладающей характеристикой многозначности.

События, связанные с явлениями времени, означают то, что в языке классифицируется прежде всего как глагол [Радбиль 2010, с. 35]. Однако исследования, посвященные различным аспектам категории времени, свидетельствуют о том, что некоторые категории единиц языка опосредованно или условно, за счет отдельных смысловых компонентов могут передавать временные или аспектуальные оттенки значений. В русском языке, согласно исследованиям Л.Н. Михеевой, разнообразные оттенки темпоральности реализуются средствами всех содержательных уровней языковой системы [Михеева 2006, с. 41-42].

С позиций субъективного восприятия время представляется в виде ситуаций темпорального, аспектуального или аспектуально-темпорального содержания. Наши исследования показывают, что репрезентация указанных ситуаций зависит от имеющихся языковых ресурсов. Как известно, префиксация является эффективным способом расширения диапазона значений глагола, и это средство активно используется в русском языке для выражения временных и аспектуальных значений. Богатство приставок позволяет детализировать, например, результативность действия (специально-результативные оттенки), но для реализации таких аспектуальных значений, как «курсивность», «прогрессия», «перспективность» возникает необходимость в поиске других средств. С точки зрения префиксации французский язык исторически претерпел некоторые изменения. Унаследовав из латинского языка данный способ, старофранцузский язык демонстрирует ряд производных вариантов глаголов с фазисным значением. В дальнейшем многие из подобных глаголов утратили аспектуальное значение или его компонент. С развитием аналитических тенденций носителями аспектуальных значений становятся лексические компоненты в составе глагольных перифраз, т.е. репрезентация выходит за пределы глагола. Так, специально-результативные и специально-длительные значения, которые в русском языке передаются префиксацией, во французском языке уточняются при помощи различных языковых единиц: глаголу *расхаживать* соответствуют в зависимости от контекста *se promener de long en large* или *faire les cent pas*.

Итак, изучая возможности языкового выражения аспектуально-временных значений, мы приходим к выводу о достаточно широком потенциале частей речи к

участию в качестве лексических указателей степени реализации действия во времени и этапа совершаемости действия или его временной протяженности. Основные значения существительных, наречий, предлогов взаимодействуют с понятийными сферами – аспектуальной, темпоральной, параметрической, качественной, количественной, реляционной, оценочной и другими, добавляя признаки времени. Лексические показатели аспектуальности играют свою роль в выражении таких признаков, как перспективность, начинательность, финальность, интрагерминальность, множественность, моментальность, дуративность» [Рянская, 2016, с. 249-252.]

КОГНИЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СМЫСЛОВ

Новая парадигма языковедческой науки предполагает сочетание разных подходов для поиска оптимальных решений теоретических проблем. Достижения современной когнитивной лингвистики позволяют рассмотреть новые аспекты феномена языковой репрезентации явлений окружающей действительности благодаря привлечению исторических и этимологических данных. Включение в лингвистическое описание информации о том, как происходит познание, восприятие и осмысление человеком мира, как классифицируется человеческий опыт в языке в разные эпохи, усиливают аргументацию исследований. В подтверждение важности эволюционного аспекта лингвистических исследований приведем цитату Е.В. Рахилиной, которая отмечает, что при восстановлении истории значения, того, как и в какой последовательности возникали различные новые подзначения, диахроническая картина выступает «как своего рода аргумент в пользу того или другого варианта синхронного описания» [Рахилина, с. 363]. Так, например, при исследовании аспектуальной категории перспективности благодаря изучению ее истоков более полно и аргументированно обоснована историческая взаимосвязь и взаимопроникновение таких категорий, как аспектуальность, модальность и темпоральность [Рянская, Федорова, 2015].

ЗАДАНИЕ 2.7. В статье А.В. Ахмеровой (*Динамика развития функциональных свойств глаголов с семантикой «делать» // Вестник Московского городского педагогического университета. № 1(7). 2011. С. 87-91.*) рассматривается динамика развития функциональных свойств глаголов с семантикой «делать» в английском, немецком и французском языках. Проанализируйте в представленных фрагментах работы примеры движения смысла в эволюции этих глаголов и его связь с формированием языковых категорий.

«В качестве фундаментального глагол «делать» формирует целый ряд функционально-семантических моделей, при реализации которых более конкретные

лексико-семантические характеристики глаголов — частные проявления глагольной идеи действия.

В научных источниках по истории германских и романских языков эволюция форм и функций глаголов с семантикой «делать» объясняется разными причинами. Высказывается идея наличия инклюзивных отношений между значениями базовых глаголов, репрезентирующих общую семантическую идею (в нашем случае «делания»), и значениями конкретных номинаций действия [Лихачева 2008].

По сведениям этимологических словарей <...> в происхождении английского глагола *make* и немецкого глагола *machen* прослеживается связь со значениями «строить», «мять, месить, делать», «составлять вместе, слеплять», «укреплять». Данные значения возникли благодаря использованию глагола в лексике о построении глинобитных домов. Заметим, что в латинском языке основными самостоятельными значениями глагола *facere* были значения, связанные прежде всего с идеей «созидания»: «сооружать», «добывать», «прокладывать», «производить» [Дворецкий 1976].

Предположительно в происхождении английского глагола *do* и немецкого *tun* отмечается связь с протоиндоевропейской основой *dhe* в значении «помещать, ставить, делать, совершать». Самостоятельное значение глагола *do* было первоначально локальным: «сажать», «класть», «ставить» и встречалось иногда в древнеанглийском и даже ранненовоанглийском периодах [Бруннер 2008: с. 269]. Значение «совершать, делать» формируется также с древнеанглийского периода.

Таким образом, движение смысла в эволюции глаголов *make*, *do* и *tun*, *machen* шло путём расширения значения и приобретения самого общего — «делать». Анализ выявленных языковых данных подтверждает высказываемую когнитологами идею об образной схеме, отражающей одно из первых и фундаментальных переживаний человека и переносимой с одной структуры на другую, абстрактную. Происходит преобразование образной схемы, её расширение и использование для структурирования обобщённых понятий. Следовательно, при описании глагола различаются когнитивная (конкретная) структура знания о действии и концептуальная, соответствующая более высокому уровню абстракции [Фурашова 2007: с. 236–237, 245].

Формирование свойства наиболее абстрактно передавать идею деятельности способствовало эволюционированию глаголов «делать» в показатель с каузативной, временной, аспектуальной, модальной семантикой, возможности участвовать в образовании вопросительных и отрицательных конструкций, фразеологических оборотов.

Наиболее рано сформировавшейся функцией глаголов с семантикой «делать» является их способность выступать в качестве субститута других глаголов. Такое употребление свойственно глаголу *do* уже в древнеанглийский период, а французскому *faire* — в старофранцузский [Жирмунский 1956: с. 309; 5: с. 203–231].

Другая функция, которая прошла сходный путь становления в рассматриваемых языках и является в настоящее время важнейшей частью свойств глаголов «делать» — это формирование аналитического каузатива. Аналитическая каузативная конструкция восходит к сложным предложениям с подчинительной связью (с придаточными образа действия): уже с начала XI века встречаются конструкции глагола *make* с инфинитивом. Исторически *do* и *make* означали побуждение к совершению действия. В среднеанглийский период в этом значении чаще употреблялся глагол *do*, с ранненовоанглийского периода в этой функции используются глаголы *make* и *let* [Бруннер 2008: с. 309]. Т.И. Резникова считает, что замена перифразы с *do*, имевшей в древнеанглийский период каузативное значение, на альтернативную конструкцию с *make* связана с переосмыслением, переносом акцента с исполнителя действия на само действие [Резникова].

Следует согласиться с мнением, что выбор глагола, который может стать показателем каузатива, не произволен. В ряде языков наблюдается тенденция развития данного значения у глаголов, обозначающих производство некоторого нового объекта [Резникова]. Выше отмечалось, что в германских языках понятие «создание» этимологически заложено в глаголах *machen* и *make*. Этот факт согласуется с идеей К. Бруннера о том, что глагол *make* подчёркивает в первую очередь достижение результата, а *do* — само действие, факт занятости [Бруннер 2008: с. 309]. Именно глагол *make* в современном английском языке образует каузативную конструкцию. И хотя в древнеанглийском для выражения каузации использовалась перифраза с глаголом *don* (современный *do*), выбор глагола был оправдан этимологически.

Та же эволюция выбора глагола наблюдается в немецком языке. В XI–XII веках в качестве показателя каузатива использовался глагол *tuon*, наиболее обобщённо выражавший идею деятельности. Глагол же *machen* сохранял в этот период изначальное конкретное значение — «соединять, связывать». И лишь к концу XIV века этот глагол постепенно вытесняет *tuon* в каузативной функции [Жирмунский 1956: с. 338]» [Ахмерова, 2011, с. 87-89].

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Репрезентация мира осуществляется в языке, при этом высказывается предположение, согласно которому, независимо от языка мыслительные представления о мире одинаковы, различны лишь возможности их репрезентации. Для описания содержащейся в языке информации в когнитивной лингвистике используются понятие когнитивной модели. Под когнитивной моделью подразумеваются корреляты реальной ситуации или структура стереотипной ситуации, базовый конструкт, структура знания, сознания, прототипическая структура. Общепринятыми являются такие обозначения структурных типов представления знаний как схема, картина, фрейм, скрипт, сценарий и т.д. [Рянская, 2008, с. 76].

Рассмотрим кратко основные модели, ориентируясь на взаимодействие когнитивного и коммуникативного аспектов функционирования языка. Обратимся к данным Проектного словаря-справочника когнитивных терминов [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022], который содержит комплексную характеристику понятий, включая фрагменты современных работ по лингвистике. Анализ словарной статьи «СКРИПТ» позволяет, в частности, составить следующий перечень определений термина. Скрипт – «вид фрейма, одна из разновидностей структур сознания, выполняющая то или иное задание в обработке естественного языка»; он же сценарий – «когнитивная структура, описывающая последовательность событий в контексте»; «динамически представленные фреймы» (сценарии или скрипты); «структура знаний, специально предназначенная для отражения часто повторяющейся последовательности событий»; «схема знаний»; «когнитивные модели, помогающие человеку ориентироваться в определенных ситуациях институционального взаимодействия»; «ментальная репрезентация»; «когнитивная структура репрезентации событий» [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов 2022, с. 164-167].

ЗАДАНИЕ 2.8. На стр. 166 Проектного словаря-справочника когнитивных терминов в разделе «СУЖЕНИЕ (СПЕЦИФИКАЦИЯ)» рассматриваются скрипты коммуникативного поведения и лингвокультурные скрипты. Как данные модели способствуют изучению концептуальных составляющих дискурса и проявления коммуникативных стратегий?

ЗАДАНИЕ 2.9. Обратитесь к стр. 182-185 Проектного словаря-справочника когнитивных терминов. Выделите в разделах «КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ» основные трактовки термина «сценарий». Кто из ученых рассматривает сценарий и скрипт как синонимичные понятия? Чем эти модели отличаются от других?

ЗАДАНИЕ 2.10. В когнитивной лингвистике схема определяется как «способ представления операциональной информации» [Жеребило, 2010, с. 391]. Какие интерпретации термина содержатся в Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022, с. 178-182]?

ЗАДАНИЕ 2.11. Ознакомьтесь с описанием понятия «фрейм» в Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов 2022, с. 195-201]. Перечислите основные трактовки термина. Кто из ученых рассматривает фрейм как родовое обозначение понятий «схема», «сценарий», «скрипт»? Сравните с одним из определений термина, данным в словаре Т.В. Жеребило: «общее родовое обозначение понятий схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная» (народная) теория» [Жеребило, 2010, с. 441].

Процедура когнитивного моделирования в лингвистике должна подчиняться определенным задачам, включая коммуникативную направленность.

Очень часто в процессе коммуникации употребляются единицы, которые известны каждому участнику коммуникативной ситуации, или же говорящий предполагает, что реципиент обладает данной информацией, которая восходит к иным источникам. Сюда входят метафоры, аллюзии и так называемая прецедентная информация, используемая для украшения речи и создания образности. Прецедентные феномены «относятся к национально-культурному и энциклопедическому уровням владения языком, которым принадлежат некоторые события, факты, имена, тексты, знакомые большинству представителей лингвокультурного сообщества, хранящиеся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализирующиеся в речи» [Латышева, 2011, с. 3]. Важным понятием при описании прецедентных феноменов является инвариант восприятия, общий для всех членов данного культурного сообщества, который включает в себя определённый набор признаков в минимизированном виде. Инвариант восприятия прецедентного феномена хранится в когнитивной базе и актуализируется в коммуникации [Захаренко и др. 1997, с. 84]. Для описания смысловых компонентов прецедентных феноменов используются когнитивные модели в виде фрейма, статического изображения, схемы или сценария, динамических структур.

Обращение к медиа-текстам показывает, что прецедентные феномены могут подвергаться различным трансформациям. Знание исходного варианта позволяет составить представление о новом образе. Приведем пример. В заголовке к статье К. Алабиной (газета «Известия» от 24 мая 2024 г.) использована измененная пословица: ***На вкус и свет: в Москве открылась выставка Павла Пепперштейна про трапезу.***

В словаре В.И. Даля исходное выражение «на вкус и цвет товарищей нет» находится в разделе «Пища» [Даль 1989], в целом же оно означает, что у каждого человека свои предпочтения. Фрагмент статьи указывает на то, что ее автор видоизменил фразеологизм, перенеся в него смысловые элементы, соответствующие теме публикации:

«Один из самых ярких и влиятельных современных российских художников Павел Пепперштейн открыл первую крупную соло-выставку за последние пять лет. В рамках проекта он впервые показал 26 листов редкой графики 1980-х годов. Небольшой зал стал частью масштабной экспозиции «Ужины» в пространстве VLADYU на Неглинной — это серия из 12 свежих работ 2023-2024 годов, созданная в лучших традициях трикстера-Пепперштейна. Выставка открыта для широкой публики с 23 мая и посвящена таинству застолья и пира в контексте арт-индустрии. «Известия» в числе первых попробовали экспозицию на вкус».

Игра слов в заголовке указывает на то, что речь пойдет о специфике работ художника, в которых отражена его манера изображения ужинов, вызывающая у посетителей свое восприятие картин. Такое перефразирование реализует фреймовую структуру, образ-схему, предопределяющую дальнейшее содержание статьи.

ЗАДАНИЕ 2.12. В статье Н.Ф. Алефиренко (*Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 2(37). С. 11-17.*) рассматривается фреймовая природа фразеологической семантики. Обратившись к содержанию статьи, сформулируйте, какое определение фрейма с точки зрения современной когнитивной семантики дается в работе. Обратите внимание на формулировки определений фрейма применительно к когнитивной фразеологии: как иерархически организованная структура данных; как когнитивная структура, представляющая знания в их динамике; как единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта; как структура данных для представления стереотипной ситуации (с. 12). Что понимается под сценарием-(«скриптом») и образом-схемой (с. 12)? Как фрейм, на основе которого формируется фразеологическое значение, соотносится с прототипом? Какова точка зрения ученого относительно соотнесённости концепта и фрейма (с. 16)? Каким образом процесс коммуникации («дискурсивный контекст») влияет на формирование фразеологического образа у читателя (с. 16-17)?

Описание когнитивных моделей является важным аспектом при разноязычных сопоставлениях, имеющих целью выявить общие или специфические черты в восприятии окружающей действительности. Система понятий, формирующая образ предмета или явления объективного мира, с одной стороны, способствует коммуникации, межъязыковым контактам, с другой, – создает определенные препятствия при восприятии информации из-за различий в ассоциативных или образных представлениях, культурно значимых концептах, отраженных в языках. Когнитивная модель как схема обобщенной (типовой) ситуации-инварианта позволяет использовать ее как общую для исследуемых языков [Рянская, 2008, с. 77-78]. В общей схеме когнитивной (познавательной) деятельности свое место занимает репрезентативная модель, отражающая конкретизацию когнитивной (общей) модели в отдельном языке и состоящая из определенных мотивирующих образов [Рянская, 2008, с. 78].

ЗАДАНИЕ 2.13. Рекомендуем обратиться за более подробной информацией о когнитивном моделировании в контексте межъязыковых исследований к монографии Рянская, Э.М. *Когнитивный аспект лингворегиональных исследований. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2008. С. 75-85.*

В качестве примера описания репрезентативных моделей рассмотрим культурно значимые единицы сферы туризма. С точки зрения когнитивного подхода термин «туризм» используется для обозначения совокупности концептов, представляющих собой символические знаки, коды, маркеры, охватывающие артефакты материальной и духовной культуры, специализированные объекты и явления туризма, которые могут носить как универсально-культурный, так и этнокультурный характер [Тайави, 2017, с.74]. Проблема заключается в том, каким образом систематизировать языковые единицы, обозначающие

такие концепты, для более логичного их описания. Репрезентативная модель отражает концептуальное содержание, соответствующее определенным направлениям туристической сферы, формирующим представления о ценностных, актуальных аспектах национальной культуры. Проведенный анализ текстов Интернет-источников, содержащих информацию об индустрии туризма в Великобритании, позволил сгруппировать культурно значимые языковые единицы вокруг нескольких репрезентативных моделей. Выделим из них следующие: символы страны, гастрономический образ страны, духовная культура, исторические маршруты, географические маршруты, активный туризм, знаки качества и категории. Подобная систематизация является, несомненно, условной, не претендует на универсальность, но позволяет видеть информационный потенциал культурно значимых единиц, создает оптимальные условия для восприятия лингвокультурной информации, ориентируя на различные способы вербализации этнокультурной специфичности.

ЗАДАНИЕ 2.14. Одним из маркеров концептуального содержания сферы туризма являются символы Великобритании. Национально-культурный образ страны формируют определенные достопримечательности, которые получили широкую известность. Когнитивная модель «символ» представлена через компоненты, ассоциируемые с английским образом жизни, с популярными личностями или событиями. В числе ключевых номинантов таких символов выступает имя *William Shakespeare*. Оно связано с историческим городом в графстве Уорикшир в Великобритании Стратфорд-на-Эйвоне (Stratford-upon-Avon). Именно здесь родился и вырос знаменитый английский драматург и поэт Уильям Шекспир. На сегодняшний день город является главным театральным центром страны, а также местом основания Королевской Шекспировской компании.

Используя приведенный пример, опишите одну из перечисленных выше моделей на материале российской действительности.

ЗАДАНИЕ 2.15. Рекомендуем ознакомиться с литературой по рассмотренным в разделе проблемам:

1. Бабушкин, А.П., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.
2. Карасик, В. И., Стернин, И. А. Предисловие // Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 4-7.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. 245 с.
4. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 429-450.

5. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
6. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
7. Рянская, Э.М., Федорова, Р.В. Категория перспективности: специфика, вербализация: монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. 166 с.
8. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 391 с.
9. Чернейко, Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43-73.
10. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Раздел 3. КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ С КОГНИЦИЕЙ

Коммуникативная функция является одной из базовых функций языка, выступая средством человеческого общения. В Словаре социологических терминов указаны следующие виды общения: «1) по типу участников: межэтническое, международное, внутриэтническое, внутригосударственное, внутри групповое, межгрупповое, межличностное; 2) по территории общения: местное, региональное; 3) по способу общения: устное, письменное; 4) по сфере общения и признаку возможного воздействия на характер общения со стороны государства: официальное / неофициальное, бытовое, повседневное, (внутри)семейное, производственное, спонтанное, регламентируемое / нерегламентируемое, организованное» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с. 154]. В коммуникации различают также сферы общения.

Термин «коммуникация» имеет несколько определений. Приведем некоторые из них.

«Передача от одного лица другому какого-то сообщения с той или иной целью. Общение совершается в результате коммуникативной деятельности двух или нескольких лиц в определенной ситуации и при наличии общего средства общения» [Жеребило, 2010, с. 159].

«Речевое общение, использование языка для общения и обмена информацией, обеспечивающее жизнь социума и удовлетворяющее психологические потребности человека в контакте с другими людьми» (в языкознании) [Жеребило, 2010, с. 159].

«Употребление языка или одной из форм его существования в рамках какого-л. языкового коллектива: от семьи до группы государств» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 154].

«1/ процесс передачи информации; 2/ составляющая актов общения, связи между людьми посредством передачи знаков и символов. Целью является взаимопонимание партнеров [Викулова и др. 2020, с. 245].

Термин «коммуникация» может обозначать «связь, сообщение, средство связи, передачу сведений, мыслей, новостей, известие, информацию» в зависимости от контекстуальных контекстов и методологических позиций:

- семиотический подход («знаковая атрибутика коммуникационно-информационных языков»)

- социологический подход («коммуникабельность информационных средств межличностных, межгрупповых и международных общений»; информационно-сетевое воздействие) [Землянова, 2004, с. 65].

Под коммуникацией понимается как «общение, форма взаимодействия людей или социальных групп», так и процесс сообщения информации различными средствами [Эффективное речевое общение, 2014, с. 236-237]. Современный подход к коммуникации подразумевает общение и как «воздействие говорящего на слушающего», и как «взаимодействие субъектов с учетом социально-культурных условий ситуации» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 237]. В широком смысле термин применяется в разных сферах и направлениях, подразумевая «технические, биологические, психические, физические и социальные разновидности коммуникации» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 237]. В современных концепциях в качестве наиболее важных аспектов осуществления коммуникации указываются характер речевого общения, его знаковые средства; знания и социальный опыт коммуникантов; «зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 238].

О связи когниции и коммуникации говорится в трактовке понятия «коммуникативно-ориентированные разновидности когнитивной функции» как «разновидности когнитивной функции, реализующиеся непосредственно в коммуникации» [Жеребило, 2010, с. 158]. Благодаря ассоциативности мышления носителей языка и традиции употребления в обществе языковые единицы обладают коммуникативным потенциалом, под которым понимается «способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знания о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд, который может быть и нулевым» [Жеребило, 2010, с. 159].

С точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода лингвистические знания предстают в функциональном и познавательном аспектах: язык передает знания в актах коммуникации, но в то же время выполняет когнитивную функцию – накапливает и хранит знания о мире, «способствуя их упорядочению и систематизации, что обеспечивает познавательную деятельность человека» [Обдалова, Минакова, 2013, с. 149]. Специфика коммуникативной деятельности предполагает передачу знания адресанта другим коммуникантам и возможность трансформации информации в зависимости от коммуникативной ситуации или когнитивных способностей адресатов. Рассматривая знание как информацию, лингвисты говорят о передаче коммуникативно значимой информации, об актуализации знаний для достижения определенной цели [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022, с. 39].

ЗАДАНИЕ 3.1. Познакомьтесь с фрагментами статьи В.З. Демьянкова (*Дискурс как эмпирическая основа теории взаимодействия коммуникации и когниции // Язык как он есть: Сб. статей к 60-летию А.А. Кибрика. М.: Буки Веди, 2023. С. 19-22.*). В чем автор видит взаимодействие коммуникации и когниции?

«В самую языковую реальность у каждого индивида входят результаты взаимодействия когниции и коммуникации. Дискурс — попутный продукт такого взаимодействия. Выявление мотивов при построении дискурсов, при коммуникации индивидов, особенно в рамках массовой коммуникации, все чаще выдвигается на первый план в современной лингвистике. А исследование стратегий и тактик коммуникации опирается на методы сбора материала (ведь в материал входят наблюдаемые шаги взаимодействия людей, в частности, коммуникативные действия в речевом воплощении) и на логические выводы на основе житейского опыта. <...>

Известно, насколько эффективны некоторые очень часто употребляемые тактики воздействия на поведение и на мнения людей. Скажем, такой мотив: «Из-за твоего отказа помочь нам пострадают твои близкие». В порыве раскаяния в своей несговорчивости, упрекаемый порождает различные виды компромисса или даже подготавливает полную капитуляцию. «Вы нарушаете наши договоренности...» — ключевая фраза при внушении чувства вины, после которой легковверный упрямец начинает, действительно, себя винить в предстоящих несчастьях других людей. Подобно видениям стонущих родных на борту космического корабля, появляющимся в сознании космонавта в результате кислородного голодания (как в известном научно-фантастическом романе), эта коммуникативная мелодия значительно облегчает задачу манипулятора, особенно если правильно уловить время и оценить психический склад аудитории.

Выявить механизмы подобного взаимодействия когниции и коммуникации — значит, на основе наблюдений над «языковой реальностью» установить и инженерные принципы такого воздействия, и способы оптимизации речевого воздействия, и способы противостоять манипуляции, и многое другое. <...>

За несколько тысячелетий существования человечества «народная мудрость» накопила очень много «народных средств» в этой области, на вооружении сегодня находится большое количество подходов и к решению поставленных коммуникативных задач, и к самой постановке этих задач. <...>

Отдельное направление в такой инженерии составляют тактики манипуляции сознанием, приводящие к значительному изменению ценностных установок и предрасположенности к тем или иным коммуникативным действиям. Одно из актуальных направлений в приложении лингвистического инструментария — анализ «фейков», случающихся в СМИ, и изобретение лингвистических тестов и вакцин от вредоносной коммуникации» [Демьянков, 2023, с. 20-22].

ЗАДАНИЕ 3.2. Обратитесь к выдержкам из статьи В.И. Заботкиной, посвященной проблеме взаимодействия когниции и коммуникации на примере процесса появления новых слов (Заботкина, В.И. *Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации* // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сб. науч. трудов. Вып. 2. М.: Изд-во «КДУ», Университетская книга. 2018. С. 22-25*). К каким выводам приходит автор работы, отвечая

на поставленные в начале исследования вопросы? В чем проявляется прагматический мотив создания новых слов? Что лежит в основе влияния когнитивных факторов при создании нового слова? Какова роль контекста в проявлении когнитивного или коммуникативного фактора? Какова роль операции инференции в процессе конвенционализации нового слова?

«Рассмотрение креативности лексикона с точки зрения взаимодействия когнитивных и коммуникативных факторов лежащих в основе появления новых слов позволяет ответить на следующие вопросы: а) что важнее при создании новых слов – когниция или коммуникация; б) как происходит перераспределение приоритетов между когницией и коммуникацией в акте рождения нового слова; в) каково взаимодействие когниции и коммуникации в процессе лексикализации (вхождения нового слова в систему языка) и социализации (принятия нового слова в обществе)? <...>

В настоящей публикации мы исходим из постулата о том, что ментальный лексикон является нелинейной системой (или системами) процессов восприятия, декодировки, переработки и хранения разного рода информации, имеющей как прямое, так и опосредованное отношение к речевой деятельности. В данном случае под опосредованной информацией понимается информация лингвистического характера, фиксирующая знания о мире, реальной действительности, опыте индивидуума, способности и результатах инференции и т.д. [Zabotkina, Boyarskaya, 2013]. <...>

Вернемся к рассмотрению вопросов, поставленных нами в начале статьи, касающихся соотношения когниции и коммуникации при создании неологизмов. Причины создания новых слов в своей основе являются коммуникативно-прагматическими. Возьмем, например, постулаты классической риторики, предшественницы прагматики, о причинах создания новых тропов: а) необходимость назвать неназванные предметы и явления, б) стремление к особой выразительности, в) стремление к красоте (см.: Blair, 1845: 205). Таким образом, мы можем говорить о триаде – *необходимость, эмфаза и красота* – как об основном прагматическом мотиве, лежащем в основе создания новых слов. Однако нельзя не учитывать влияние когнитивных факторов, стоящих у истоков создания нового слова. Необходимость назвать неназванное определенно несет в себе дополнительный когнитивный импульс. Как известно, новое слово является способом введения новых концептов [Leech, 1983].

Помимо прагматического мотива у истоков создания новой лексической единицы, как было указано выше, стоит отклонение от нормы (девиация), употребление слова в новом, нетипичном контексте, что ведет к появлению у него нового значения. Например, новое значение слова *woke* (пробудившийся от социальной спячки, чувствительный к социальным проблемам), в результате употребления этого слова в социальном контексте “Brexit”. Таким образом, при анализе причин создания нового слова приоритет отдается коммуникативным факторам при определенном участии когниции. <...>

В акте рождения нового слова, мы можем увидеть сдвиг приоритетов, изменение распределения ролей между когнитивными и коммуникативными факторами. Здесь на первое место выдвигается когнитивная составляющая. Общеизвестно, для того чтобы дать имя предмету, необходимо идентифицировать референт, определить его место в когнитивной системе говорящего и категоризовать его. Далее идет процесс субкатегоризации (сопоставление с другими членами данной категории) [ср. Кубрякова, 2004], и только после этого начинается поиск нового имени. <...>

Анализ соотношения когнитивных и прагматических факторов в процессе конвенционализации нового слова показывает приоритет прагматических параметров в этих процессах: слово впитывает в себя дополнительные прагматические черты контекста его повторного употребления. Однако когнитивные механизмы также активно вовлечены в процесс конвенционализации. Всякий раз, когда слово воспринимается слушателем, происходит операция инференции. Значение нового слова должно инферироваться со стороны адресанта и интегрироваться в наиболее релевантный фрейм его когнитивной системы. Существует определенный порог новизны, за пределами которого инференция становится невозможна. Впервые о когнитивной природе коммуникации упоминал Витгенштейн, который говорил о том, что в коммуникации одинаково бесполезна как совершенно новая, так и совершенно старая информация. Это объясняется тем, что: а) полностью старая информация является избыточной, она не побуждает слушающего к участию в коммуникации; б) информация, являющаяся полностью новой, не может быть интегрирована в когнитивную систему реципиента. Информационные потоки должны находиться где-то между этими двумя полюсами, иначе они не будут релевантными [Wittgenstein, 1953]. Итак, речь идет о проблеме тавтологии и противоречия.

Таким образом, рассмотрение креативности лексикона с точки зрения взаимодействия коммуникативных и когнитивных факторов в рамках дихотомии «креативность в языке vs. креативность языковой личности» позволяет сделать вывод о сложности, взаимовлиянии и взаимозависимости когниции и коммуникации. Это находит свое отражение как в системе лексики определенного языка, так и в ее ментальном аналоге, ментальном лексиконе» [Заботкина, 2018, с. 22-25].

ЗАДАНИЕ 3.3. Обратите внимание на трактовку понятий «инференция» и «конвенционализация»:

ИНФЕРЕНЦИЯ – это «одно из важнейших понятий лингвистической прагматики; умозаключение, формируемое участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений. Оно может осуществляться на основании информации, известной из контекста ситуации, из предшествующего речевого контекста, из уже накопленного в течение жизни опыта общения, социокультурных знаний» [Педагогическое речеведение, 1998, с. 74].

КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИЯ – это стадия, когда слово «становится полностью самостоятельным и уже не зависит от контекста; оно может быть использовано в широком круге ситуаций» [Майсак, 2005: 43]

КОММУНИКАЦИЯ И КОНЦЕПТ

Концепт рассматривается не только как структура хранения знаний, но и явление, обладающее коммуникативными функциями. Согласно Н.В. Крючковой, только в коммуникации, на уровне дискурсивной реализации, концепт получает свою содержательную определенность [Крючкова, 2009, с. 7]. Концепт представляет собой взаимодействие сознания, языка, текста и культуры, выполняя интегрирующую роль в качестве "скрепляющего" элемента в отношении сознания, языковой системы, культуры и обеспечивающего их выход на коммуникативно-дискурсивный уровень» [Крючкова, 2009, с. 9]. Коммуникативные функции концептов состоят «в обеспечении взаимопонимания коммуникантов на основе представляемой концептами общности когнитивной базы (основных знаний о мире и общих отношений к ним)» [Крючкова 2009, с. 41-42]. Значимым коммуникативно-дискурсивным свойством концепта признается его культурная ценность, которая проявляется в тематике и сюжетах, обсуждаемых в коммуникативном поле определенной культуры [Крючкова, 2009, с. 10]. Для описания концепта как коммуникативно-дискурсивного явления необходимо обращение к тексту, его содержанию и к его интерпретации, к анализу текстового функционирования языковых номинаций концепта [Крючкова, 2009, с. 41-42].

А.П. Бабушкин и И.А. Стернин отмечают, что «исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт – путь к описанию вербализуемой части концепта», при этом наличие или отсутствие вербализации концепта объясняется коммуникативными причинами. Коммуникативную актуальность вербализуемого концепта для сознания народа отражает наличие большого количества номинаций того или иного концепта, свидетельствующее о номинативной плотности (термин В.И. Карасика) [Бабушкин, Стернин, 2018, с. 5-6]. Вербализация концепта в случае коммуникативной необходимости осуществляется комплексом языковых средств – лексических, фразеологических, синтаксических и других [Бабушкин, Стернин, 2018, с. 5].

Ю.Е. Прохоров, исследуя концепт, текст и дискурс в структуре и содержании коммуникации, рассматривает реализацию концепта в коммуникации как «выбор, некоторое предпочтение тех или иных правил, способов и средств организации данного конкретного общения». В различных коммуникативных пространствах одно и то же может быть выражено одним языковым средством, и в отдельном коммуникативном пространстве для обозначения одного и того же можно использовать разные способы [Прохоров, 2006, с. 30]. Совокупность семантических сфер и семиосфер во взаимосвязанном пространстве образует концептосферы, которые, в свою очередь, создают концептуальное пространство, включающее как общечеловеческие, так и национально специфические элементы.

[Прохоров, 2006, с. 26-27]. Концепт в процессе коммуникации организует «некоторую упорядоченную (для данной действительности и средствами данного языка) логическую определенность» [Прохоров, 2006, с. 31].

Согласно Ю.Е. Прохорову, коммуникация содержит три составляющих, находящихся в динамическом взаимодействии: дискурс («совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности»), текст («совокупность правил организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности»), действительность («совокупность материальных условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности») [Прохоров, 2004, с. 52].

Таким образом, рассматривая сферу коммуникации, нельзя оставить без внимания вопрос о роли в ней текста и дискурса.

ТЕКСТ. ТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Текстовое пространство является коммуникативным по своей природе, т.к. предполагает осуществление «интеллектуально-творческой интеракции автора и реципиента» [Седых, Куган, 2015], передачу информации разного рода в зависимости от жанра и содержания текста. В данном случае понимание текстового пространства связано с представлением о пространстве, отраженном в тексте, т.е. о текстовой категории или о сверхтекстовых образованиях [Ионова 2012: 163-164]. Другое представление о текстовом пространстве относится к совокупности нескольких текстов, представляющих собой диссипативное образование (сформированное на основе открытых взаимодействующих нелинейных систем), которое формирует целостное объединение, базирующееся на концептуальном или тематическом единстве [Задорозина, 2022, с. 12-13].

ЗАДАНИЕ 3.4. Ознакомьтесь с трактовками понятия «текстовое пространство», представленными в диссертационном исследовании Ю.К. Задорозиной «Лингвосоциокультурные компоненты текстового пространства университетского сайта» (Задорозина Ю.К. *Лингвосоциокультурные компоненты текстового пространства университетского сайта: дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2022. 228 с.*).

«Для обозначения совокупности текстов, объединенных на основе различных критериев, используются понятия «макротекст», «сверхтекст», «интертекст», «текстовое пространство». Макротекст рассматривается как совокупность текстов, объединенных содержательно или ситуативно, связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства и тематической общности [Стилистический энциклопедический словарь... 2011: 216]. Под сверхтекстом понимается объединение текстов на основе единства темы или модального единства (отношения содержания к действительности или автора к содержанию) [Там же: 374-375].

Представления о макротексте и сверткесте отражают такие подходы к интерпретации текстовых объединений, как культуросцентрический, текстцентрический и функционально-смысловой. В соответствии с культуросцентрическим подходом сверткест является ситуативно-тематическим объединением текстов, в том числе принадлежащих разным авторам, а макротекст понимается как «интертекст», включающий другие, «чужие» тексты. С позиций текстцентрического и функционально-смыслового подходов сверткест рассматривается как объединение на основе содержательной целостности иерархически упорядоченных и взаимосвязанных микротекстов [Там же: 374; 216-218].

Под текстовым пространством понимается совокупность вербальных и невербальных текстов, служащих источником текстообразования. Согласно Н.В. Петровой, термин «текстовое пространство» входит в цепочку: текст, текстообразование, интертекстуальность, интертекст, где текст является произведением, создаваемым в условиях существования и влияния текстового пространства [Петрова 2004: 9; Петрова, Куликова 2009: 234-235].»

Особую значимость понятие текстового пространства приобретает в связи с обращением к Интернет-коммуникации. В соответствии с пространственными и композиционными особенностями сетевого размещения данных осмыслению подлежат вопросы, связанные с использованием *гипертекста* для повышения эффективности вербального представления информации и установления контакта и взаимодействия с получателем информации. Важным является изучение *лингвистических средств*, участвующих в формировании текстового пространства и выполняющих информационную, ориентирующую и коммуникативную функции, обеспечивая доступ к информативно значимому содержанию, а также адекватное смысловое восприятие.

Под гипертекстом понимается способ организации текстовой информации, фрагменты которого ассоциативно связаны между собой, а их связь выражена при помощи гиперссылок [Жаркова, 2015, с. 59]. Если обратиться к пространству сайта, то в нем функционируют две разновидности текстов – основной и текст, размещенный в гиперссылке. Основной (линейный) текст содержит главную информацию, представляет тематически ориентированные данные, тексты гиперссылок несут дополнительные сведения, регулируют поведение пользователя [Гришина, 2008, с. 9]. Гиперссылки могут содержать пояснительный материал, служащий для уточнения или расширения базовых знаний, содержащий справочную информацию, разнообразный познавательный материал. Благодаря гиперссылкам возможно объединение различных жанровых разновидностей текста. Ученые указывают на противоречивость ситуации взаимодействия основного текста и высказываний-гиперссылок, поскольку текст традиционно рассматривается как законченное речевое произведение, ссылки же характеризуются условной законченностью текста [Гришина, 2008, с. 9]. Композиционной особенностью жанра интернет-сайта является открытость для новых компонентов, нелинейность, поэтому понятие границ гипертекста

субъективно [Задорожина, 2022, с. 68]. Отслеживать свое положение в текстовом пространстве позволяет пользователю навигационный аппарат, обеспечивающий быстрый поиск информации, переход по гиперссылке [Босова, 2013, с. 702]. К таким ориентирам относятся оглавление, сигналы-символы, указатели, заметки и т.д. Навигационную роль выполняют также рубрики, которые носят справочно-информационный или коммуникативный характер. С помощью рубрик осуществляется ознакомление с содержанием и выбор необходимого материала.

Изучение текстового пространства тесно связано с понятиями *мультимедийности* и *поликодовости* текста. Под мультимедийностью понимают «сосуществование в контенте интернет-сайтов явлений разной знаковой природы – вербальных, изобразительных, анимационных, аудио– и видеоматериалов» [Помазов, 2018, с. 217], под поликодовостью – «взаимодействие в пределах текста или его фрагментов вербального и изобразительного акустического или видеоряда ряда» [Помазов, 2018, с. 218]. В работах В.Е. Чернявской отмечается значимость типографики знака как особого модуса коммуникации и формата смысловыражения. Под типографикой понимается оформление текста средствами шрифта, шрифтовой гарнитуры и шрифтовой композиции [Чернявская 2003: 90]. Ученый подчеркивает, что «типографическое значение функционирует как особый тип прагматического значения» [Чернявская, 2003: 96].

ЗАДАНИЕ 3.5. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме текстового пространства:

1. Задорожина, Ю.К. Лингвосоциокультурные компоненты текстового пространства университетского сайта: дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2022. 228 с.
2. Гендина, Н.И., Колкова, Н.И., Рябцева, Л.Н. Контент официальных сайтов библиотек: оценка качества и стратегия информационного моделирования: монография. Кемерово: Издательство КемГИК, 2021. 237 с.
3. Гришина, Н.С. Интернет-портал «Грамота.ру» как лингвокультурологический инструмент развития культуры русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
4. Жаркова, У.А. Дискурсивные характеристики web-сайта университета: к проблеме структурирования контента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5(47). Ч. 2. С. 59-61.
5. Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа: монография / Н.В. Петрова. Иркутск: ИГЛУ, 2004. 243 с.
6. Петрова, Н.В., Куликова, О.К. Соотношение понятий «архетекст», «прецедентный текст», «текстовое пространство» [Текст] / Н.В. Петрова, О.К. Куликова // Вестник ЧПГУ. 2009. № 6.С. 233–243.

7. Помазов, А.И. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 216–223.

8. Чернявская, В.Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100.

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Проблема соотношения текста и дискурса широко освещена в современной литературе и остается дискуссионной. Приведем в качестве примера фрагмент работы, в которой представлена по этому вопросу позиция французского лингвиста П. Шародо, изложенная в его труде (*Charaudeau, P. Langage et discours. P.: Hachette, 1983. 176 p.*).

«Отражение понимания текста и дискурса как характерной и результативной сторон речевой деятельности мы находим и у П. Шародо. По его мнению, текст – это «воплощение, наглядное изображение другой речи»; «это неповторимый, единичный результат процесса, зависящего от говорящего и от условий речепроизводства». Наряду с этим П. Шародо замечает, что «текст пересекается с множеством дискурсов, каждый из которых, в свою очередь, принадлежит к какому-то жанру и соотносится с какой-то ситуацией» [22, с. 69]. В общих чертах дискурс представляется учёному в виде консолидации таких понятий, как «высказывание» и «коммуникативная ситуация» [22, с. 28]» [Седых, Куган, 2015].

ЗАДАНИЕ 3.6. По вопросам соотношения текста, текстового пространства, дискурса и дискурсивного пространства рекомендуем ознакомиться с литературой:

1. Викулова, Л.Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики / Л.Г. Викулова, И.В. Макарова, Н.В. Новиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2016. – Том 15. – № 3. – С. 54–65.

2. Лошаков, А.Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверткста / А.Г. Лошаков // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – Том 2. – Вып. 3. – С. 14–18.

3. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

4. Манаенко, Г.Н. Дискурс и лингвистические параметры его описания // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Г.Н. Манаенко; отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 17–30.

5. Плотникова, С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / С.Н. Плотникова; отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 31–61.

6. Полещук, Л.З. «Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова / Л.З. Полещук // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2008. – № 1. – С. 98–101.

7. Рянская, Э.М., Савелова, Ю.К. Проблема статуса текстового пространства сайта (на примере сайтов содействия студентам) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – Том 15. – № 2 (2018). – С. 32-37.

8. Седых, А.П., Куган, Е.И. Коммуникативно-когнитивные особенности художественного дискурса и наука о языке // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 1, Вып. №4. URL: <https://rllinguistics.ru/journal/article/590/> (дата обращения 02.12.2024).

9. Силантьев, И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / И.В. Силантьев // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 98 – 123.

10. Соколова, О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О.В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с.

11. Холодова, Д.Д. К определению понятия дискурс // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Д.Д. Холодова; отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 7–16.

12. Чернявская В.Е., Хохлова М.В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы: Учебник. М.Л: ЛЕНАНД, 2024. 224 с.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Важное место в современных лингвистических исследованиях занимает категория *диалогичности*. Изучение этого явления осуществляется на материале различных текстовых жанров и разновидностей дискурса. Категория диалогичности понимается как проявление коммуникативной сущности языка, которое предполагает наличие признаков *диалога* и учет реакции адресата [Баранова, 2012, с. 119], «экспликацию взаимодействия адресанта с интертекстуальным речевым партнером (носителем важных для автора сведений, мнений, знаний)» [Матвеева, 2010, с. 91].

ЗАДАНИЕ 3.7. Сравните трактовки термина «диалог». На каких характеристиках диалога акцентируется внимание авторов? Что понимается под диалогическим единством?

«ДИАЛОГ (от греч. dialogos – беседа, разговор двоих) – разновидность (тип) речи, при которой происходит обмен взаимообусловленными высказываниями-репликами (при зрительном и слуховом восприятии собеседника). <...> Единство Д. в его теме, содержании, смысле. Специфика Д. как сложного единства самым тесным образом связана с его тематической цельностью, с характером развития содержания, с движением мысли. Основной единицей Д. является диалогическое единство. Вопрос о границах Д. и его внутренних структурных особенностях связан с различием понятий

Д. как целостной структуры и диалогического единства. Реплика как компонент диалогического единства и Д. в целом имеет двухплановый характер, совмещая в себе значение акции и реакции, в результате чего Д. представляет собой сложную цепь взаимосвязанных высказываний. С исследованием Д. как сложного комплекса, в состав которого зачастую входит цепь переплетающихся или параллельных реплик нескольких лиц, связано выделение различных структурных типов Д. (парный Д., параллельный Д., полилог). Исследование Д. невозможно без учета целого ряда внеречевых моментов: цели и предмета высказываний, степени подготовленности говорящих, отношений между собеседниками и отношения их к высказанному, конкретной обстановки общения. Характер Д. определяется действием всех этих факторов в совокупности, и в результате конкретного проявления каждого из них создается Д. определенной структуры. Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда определяют структуру высказывания, отражая характер диалогического поведения. Именно ситуация формирует высказывание в виде просьбы или отстаивания, в стиле витиеватом или простом, уверенно или робко произнесенное. С ситуацией общения, отношением участников Д. к содержанию речи связан характер логико-смысловых отношений между частями диалогического единства, и в связи с этим выделяются различные типы реплик и типы Д., устанавливаются характер реакции, оценки говорящими фактов ситуации и речи, модальная характеристика Д.» [Педагогическое речеведение, 1998, с. 46].

«ДИАЛОГ – форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями – репликами меж ду двумя (и более) говорящими, противопоставленная монологу. В Д. ответственность его участников за выполнение коммуникации распределяется равномерно. В качестве структурной единицы принято называть диалогическое единство (Н.Ю. Шведова), со стоящее из реплики-стимула инициатора речи и ответной реплики-реакции собеседника. Определяя свойства диалогических единиц, подчёркивают их тематическую и функциональную связанность. Тем самым Д. представляет собой сложную целостную структуру. Стимулирующая реплика начинает общение, открывая тему. Эта реплика может быть сообщением, вопросом, побуждением, выражением оценки, обращением к адресату и т.д. Ответная реплика может быть добавлением, уточнением, согласием, подтверждением, возражением, объяснением. Она может прерывать Д., сигнализируя о непонимании, о невозможности по разным причинам продолжать общение» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 127].

«ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО. Структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи. Д.е. обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников. Д.е. – последовательность взаимосвязанных реплик, объединенных: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм; 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики. Связь

реплик осуществляется: 1) в виде цепочки взаимосвязанных словоформ; 2) через параллельность, однотипность строения» [Жеребило, 2010, с. 92].

Диалогичность следует рассматривать не только как проявление коммуникативной сущности языка, но и как отражение мыслительной деятельности. Об этом говорится в словарной статье, подготовленной Л.Р. Дускаевой [Эффективное речевое общение, 2014, с. 130-131]:

«**ДИАЛОГИЧНОСТЬ** – фундаментальное для письменных текстов свойство, помимо адресованности, включающее ответственность, выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения для достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения. Тем самым Д., отражая социальную сущность языка и мышления (М.М. Бахтин), свойственна диалогу (реплицированию) не только в устной речи, но и в письменной. При этом Д. шире адресованности, она отличается и от узкого понимания Д. как стилистического приёма. Таким образом, внешне монологический текст заключает в себе признаки и средства как собственно диалога, так и выработанные в процессе письменного общения. К Д. относят и межтекстовые единства (напр., в виде диалога текстов в газете)»

Выражение Д. чрезвычайно многообразно по своим разновидностям. <...> В письменном научном тексте ослаблена сила «иллокутивного вынуждения», т.к. тип запроса информации носит мыслительный характер [Красильникова 1995], побуждение передаёт приглашение к своеобразному соразмышлению. В публицистических текстах сила иллокутивного побуждения не ослаблена, а, наоборот, акцентирована. Читатель призывается не только к ментальным, но и к эмоциональным и физическим действиям <...>».

Средствами диалогичности выступают риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы, обращения к собеседнику с использованием личных и притяжательных местоимений первого и второго лица, побудительных конструкций и другие способы взаимодействия. Особенности Интернет-общения создают возможность опосредованного общения, при котором диалог создает эффект присутствия коммуниканта или коммуникантов.

Следует подчеркнуть, что «исследования по диалогичности литературного текста на основе трудов М.М. Бахтина привели ученых к новому подходу к литературному тексту как акту коммуникации, в котором условия протекания общения, текст и контекст неразделимы». Значимым является экстралингвистический контекст, «когда ситуация коммуникации включает условие общения, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношение друг к другу и т. д.» [Викулова, Рянская, 2021, с. 53].

Исследовательский интерес представляет также такая стратегия речевого поведения как *диалогизация монологической речи*, включающая «комплекс приемов, «способствующих реализации риторического закона гармонизирующего диалога, суть которого в том, чтобы

видеть в адресате (собеседнике или аудитории) не пассивный объект, а активный субъект равноправного речевого взаимодействия» [Сковородников, 2011, с. 114]. Установление активного взаимодействия с адресатом посредством диалогизации применяется в ораторском монологе, в художественных, публицистических и научных текстах.

ЗАДАНИЕ 3.8. Подробно о приемах и тактиках диалогизация монологической речи смотрите статью А.П. Сковородникова в словаре *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 114-116.

ЗАДАНИЕ 3.9. В приведенном ниже фрагменте статьи Ю.В. Шевченко (*Специфика субъектов научной коммуникации: лингвистический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 20 февраля 2021) / Отв. ред. Погоньшев Д.А. Нижневартовск: Издательство НВГУ, 2021. С. 666–670*) приводятся мнения ученых относительно особенностей диалогичности в научной коммуникации. Обратившись к работам И.И. Барановой, О.А. Прохвятиловой, Ю.В. Шевченко, указанным в рекомендованной в следующем задании литературе, сопоставьте особенности проявления диалогичности в научном и научно-популярном дискурсе.

«В современной лингвистике диалогичность признается одной из важных категорий научного текста. Н.В. Ефремова выделяет два вида диалогичности: внешнюю и внутреннюю. Внешняя диалогичность направлена эксплицитно на адресата, внутренняя рассматривается как диалог с учеными, единомышленниками, оппонентами и как диалог с самим собой – диалог старого и нового знания, своих идей [Ефремова 2017, с. 114-115]. Анализируя диалогичность научной речи с учетом жанровых характеристик коммуникативного пространства, М.Н. Кожина рассматривает три основные формы ее проявления: первая является внутренней коммуникацией автора с самим собой, вторая представляет собой общение с учеными, научными направлениями или школами, третья форма – это диалог с аудиторией, реализуемый в обращениях к ней либо в апелляциях к ее вниманию [Кожина 1981, с. 78-79].

И.И. Баранова в своей работе также уделяет особое внимание изучению диалогичности научной коммуникации, отмечая, что диалог между учеными в научном тексте является основным способом передачи научного знания, где изложение материала осуществляется посредством экспликации различных точек зрения исследователей. Кроме того, автор указывает на связь данной категории с прагматическим аспектом языкового содержания текста, который заключается в воздействии на адресата с целью трансформации его смыслового поля [Баранова 2012, с. 121]» [Шевченко, 2021, с. 668–669].

ЗАДАНИЕ 3.10. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме диалогичности:

1. Баранова, И.И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3(155). С. 119–125.
2. Борисова, И.Н. Режимы диалоговѣдения и динамические типы разговорного диалога // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 245–261.
3. Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1(41). 2021. С. 53-67.
4. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
5. Диалогическая лингвистика: монография / под науч. ред. Н.Н. Шпильной; отв. ред. М.В. Воронец, Н.И. Тюкаева. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.
6. Кожина, М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М.: Наука, 1981. С. 187-214.
7. Колчевская, В.А. Средства диалогичности как способ убеждения (в текстах веб-страниц туроператоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77). Ч. 2. С. 89–92.
8. Нефедов, С.Т. Диалогичность – Интертекстуальность – Интердискурсивность // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2019. Т. 9. С. 10-18.
9. Прохватилова, О.А. Современный научно-популярный текст в аспекте диалогичности // Филология в XXI веке. 2021. № 1(7). С. 40-47.
10. Шевченко, Ю.В. Идиостиль как параметр языковой личности ученого // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3.
11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты (Электронный ресурс) / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 114-116.

ПОНИМАНИЕ КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

В когнитивно-коммуникативном контексте учеными дифференцируются содержательные аспекты познания, мышления, знания, понимания и устанавливаются взаимосвязи между этими процессами.

В психологии категория понимания рассматривается как мультикомпонентная и междисциплинарная, выступающая, в том числе, как когнитивное явление, аналитико-

синтетический процесс, механизм смыслообразования, метод познания окружающей действительности, фактор и условие коммуникации [Защиринская, Белобрыкина, 2018: 8].

Согласно В.В. Знакову, «процесс познания представляет собой постановку человеком вопросов об интересующих его сторонах действительности и поиск ответов на них, формулирование проблем, задач и их решение» [Знаков, 2005, с. 19]. Как результат познание предстает как совокупность знаний, полученных в результате полученных ответов на вопросы и результатов решения проблем. Познание включается в процесс мышления, стимулирует его и становится источником нового знания [Там же]. Понимание как компонент познания также связано с процедурами получения нового знания, однако основная его функция состоит в осмыслении и анализе знания, т. е. предполагает интерпретационную деятельность [Знаков, 2005, с. 20]. Знание, отмечает В.В. Знаков, выступает как объект и продукт познавательной деятельности человека и отличается от понимания тем, что «представляет собой осмысление знания, действия с ним», выступая средством понимания [Знаков, 2005, с. 22].

Результаты проведенных в рамках психолингвистического подхода экспериментальных исследований процесса понимания текста позволяют выделить несколько важных моментов. Отмечается, что предметом исследовательского интереса при изучении восприятия и понимания текста является не сам процесс, а его результат, воплощенный в вербальной форме [Пешкова, 2013, с. 48]. В процессе осмысления информации адресат опирается на сведения из текста и на собственные знания, опыт, ассоциации и т.п. [Пешкова, 2013, с. 50].

В результате анализа содержательных и смысловых реакций, сопровождающих понимание текстов разных жанров, установлены наиболее частотные и характерные для восприятия определенных типов текстов. Среди выявленных реакций отмечены «оценка», «мнение», «ориентировка», «аргументация», «вывод», «предложение», «визуализация», «ассоциация» [Пешкова, 2013, с. 51]. Приведенные в исследовании Н.П. Пешковой данные свидетельствуют о перспективах изучения категории понимания в русле смысловой интерпретации разножанровых текстов.

Лингвокультурологическая интерпретация процесса понимания текста предполагает, что текст является продуктом речевого общения, составляющего коммуникативно-когнитивное единство. При этом эффективная коммуникация сводится к умению обеспечивать и речепроизводство, и речепонимание [Боженкова, 2013]. С этой точки зрения понимание сводится не только к смысловому восприятию высказывания, это «многоуровневый познавательный процесс, направленный на выявление значения и смысла предмета в процессе коммуникации» [Там же]. Когнитивная функция понимания заключается в приобретении знания и применении его. С лингвокультурологической позиции понимание включает обогащение первоначального смысла авторского текста новыми смыслами в соответствии с контекстом своей эпохи и субъективным восприятием, собственной оценкой произведения и его автора. Таким образом, «понимание предстает многоуровневой познавательной творческой деятельностью адресата как активного

субъекта, осуществляющего в своем сознании воспроизводство текста (произведения), в процессе реконструкции которого рождаются новые (добавочные) смысловые компоненты» [Там же].

В лингвистике понимание рассматривается в первую очередь как «установление смысла». В.З. Демьянков рассматривает термин «понимание» в одном ряду с понятиями «когниция», «познание», «знание», указывая на то, что познание складывается из познания интуитивного (когниции) и познания рассудочного («дискурсивного»). Когниция, таким образом, не вариант понятия «знание», «а скорее «предзнание» – разновидность мыслительных операций, обслуживающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [Демьянков, 2005, с. 9].

Взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций языка реализуется в процессе речевой деятельности, обеспечивая обмен информацией и ее осмысление. Одним из критериев адекватности коммуникативного процесса является понимание, которое рассматривается как восприятие, осмысление и интерпретация содержания высказывания.

В процессе понимания происходит информационный обмен между субъектами коммуникации, при этом смысл, извлеченный адресатом, не всегда идентичен тому смыслу, который изначально был заключен в сознании адресанта. Поэтому понимание может быть полным, частичным, искаженным, ошибочным и т.д. Отсюда порождение производных когнитивных категорий – взаимопонимания, псевдопонимания, непонимания и других [Шаламов, 2011, с. 13]. В качестве уровней непонимания выступают: понятийный (мыслительное содержание высказывания или текста), фонетический (различного рода препятствия в звуковой части речи), семантико-грамматический (различная степень владения полисемией лексических единиц адресантом и адресатом, несовпадение массивов фоновых знаний и т.д.), синтаксический (степень грамматической правильности построения предложения адресантом), текстовый (нарушение или невозможность установления логических и смысловых связей между частями текстовых образований), дискурсивный (различия в идентификации и оценках внелингвистических факторов – знания, мнения, установки, характеристики коммуникантов) [Шаламов, 2011, с. 16-17].

Исследователи медиадискурса отмечают, что авторы медийных статей, привлекая внимание читателя, намеренно используют нестандартные приемы языкового оформления заголовков или подзаголовков, что приводит к неполной трактовке смысла или ошибочному пониманию содержания предлагаемого текста [Шмелева, 2020, с. 82].

ЗАДАНИЕ 3.11. Примером нарушения смысловых связей между частями текстовых образований может служить употребление ключевых слов, при котором наблюдается несоответствие смыслового наполнения ключевого слова в предтекстовой части тому содержанию, которое несет его аналог в основном тексте. Приведенный ниже фрагмент статьи (Рянская, Э.М., Фоменко, Е.А. *Ключевые слова предтекста как носители смысловых доминант полноформатного текста // Актуальные проблемы гуманитарных наук:*

Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартоск, 22 марта 2022 г.) / Отв. ред. Д.А. Погоньшев. Нижневартоск: Изд-во НВГУ, 2022. С. 549-555) иллюстрирует подобный случай:

«Изучая в рамках текстового анализа параллели ключевых слов, мы сравнивали лексические единицы, являющиеся главными маркерами смысловой структуры текста. Проведенный анализ показал, что предтекстовые образования могут включать от одного (заголовок) до трех и более компонентов. В приведенном ниже примере из «Российской газеты» выделяются заголовок (1), анонс (2) и краткое содержание, предшествующее основному тексту (3):

*(1) **Выставкой из собрания Эрмитажа в Амстердаме завершили локдаун***

*(2) **В Амстердаме из музейного локдауна решили выйти красиво – эрмитажной выставкой «Русский авангард. Революция в искусстве». Она возобновила культурную жизнь в городе. Более 500 экспонатов расскажут о переломном моменте в истории искусства XX века.***

*(3) **В выставочном центре «Эрмитаж Амстердам» открылась экспозиция «Русский авангард. Революция в искусстве». Более 500 экспонатов из коллекции Государственного Эрмитажа расскажут голландской публике о переломном моменте в истории искусства XX века. Среди них – живописные и графические произведения, книги, текстиль, фарфор.***

На основании выделенных ключевых слов можно сделать заключение о центральной теме статьи и о главном событии: речь идет о выставке из собраний Эрмитажа, посвященной русскому авангарду, которая открылась в Амстердаме после локдауна. Значимая информация, вынесенная в предтекст, касается сообщения о том, что привезенные на выставку экспонаты позволят составить представление о переломном моменте в истории искусства XX века. Обращение к основному тексту позволяет наблюдать параллелизм ключевых слов. Однако, на наш взгляд, при прочтении статьи выявляется определенное несоответствие смыслового содержания ключевого словосочетания *переломный момент в истории искусства* другому ключевому словосочетанию, содержащемуся в статье, – *радикальные повороты истории*. Согласно контексту, во втором случае речь идет не только об истории искусства, но и об истории общества:

*В Амстердаме из музейного локдауна решили выйти красиво – эрмитажной выставкой «Русский авангард. Революция в искусстве». Она не только возобновила культурную жизнь в столице Нидерландов, но и продемонстрировала, что даже в такие непростые времена музеи могут и должны сотрудничать. <...> выставка подчеркивает важную для Эрмитажа идею о том, что искусство может сохранять традиции при самых **радикальных поворотах истории**. «Супрематистский фарфор, произведенный на Императорском заводе, вполне может называться императорским*

не только формально», – уверен директор Эрмитажа» [Рянская, Фоменко, 2022, с. 551].

Понимание рассматривается как в контексте общения, так и в связи с такими феноменами как познание, мышление, знание, а также общество, культура, искусственный интеллект, языковая личность.

В качестве объекта понимания рассматриваются все фрагменты мира, включая «феномен природы, фрагмент культуры, текст, поведение отдельного представителя коллектива, чужое «Я» или собственные переживания понимающего субъекта». Сторонники семиотического подхода опираются на тезис, согласно которому понимание «связано не с самими по себе объектами природы, а с предметами культуры» [Дзялошинский, 2012, с. 109]. И.М. Дзялошинский трактует понимание как «особый вид активности социального субъекта, направленной на целостное осмысление окружающего мира с целью включения его в свой внутренний мир, то есть присвоения тех его элементов, которые обеспечивают расширение возможностей субъекта как в плане деятельности, так и в плане общения» [Дзялошинский, 2012, с. 109-110]. Ученый уточняет, что применительно к текстам массовой информации понимание является частным случаем понимания вообще, средством «средство для освоения реальной действительности тем или иным способом: практическим, познавательным, ценностным, художественным и т.д.» [Там же]. В качестве разновидностей понимания отмечаются неполное и полное (в количественном и качественном отношении – от первичного восприятия отдельных смыслов до осознания смысла всего текста); детализованное и обобщенное (по степени обобщенности); неверное и правильное (по адекватности) [Дзялошинский, 2012, с. 109-110]. Положительным результатом процесса понимания является видение причинно-следственных связей, объединение рассматриваемых фактов и явлений в единую логическую систему [Дзялошинский, 2012, с. 110]. Как когнитивный процесс понимание представляет собой «интеллектуальное проникновение в суть изучаемого (воспринимаемого) явления» путем различных познавательных процедур [Дзялошинский, 2012, с. 113].

Е.К. Абрамова, исследуя когнитивно-прагматические аспекты непонимания текста, рассматривает понимание и непонимание как диалектическое единство, определяя их как адекватное или неадекватное построение смысла текста, заложенного адресантом. Необходимым когнитивным основанием этих процессов выступают знания [Абрамова 2009, с. 7-9].

ЗАДАНИЕ 3.12. На стр. 7-13 автореферата Е.К. Абрамовой (*Когнитивно-прагматические аспекты непонимания текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.*) изложены основные положения, касающиеся характеристики непонимания. Какие обозначения непонимания предлагаются отдельными лингвистами? В каких лингвистических теориях непонимание текста является объектом изучения? Какие источники возникновения непонимания отмечает автор?

ЗАДАНИЕ 3.13. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме понимания:

1. Абрамова, Е.К. Когнитивно-прагматические аспекты непонимания текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
2. Боженкова, Р.К., Боженкова, А.М. Лингвокультурологическая интерпретация процесса понимания текста // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 2 (4). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/38.html>
3. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (006). С. 5-10.
4. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
5. Защирина, О.В., Белобрыкина, О.А. Понимание как междисциплинарная категория // Понимание и коммуникация: когнитивный контекст содержательно-смысловых конструкций / Под науч. ред. О.В. Защириной, О.А. Белобрыкиной, Е.И. Николаевой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 8-16.
6. Знаков, В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.
7. Карасик В.И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
9. Шаламов, В.Д. Функции категории понимания и ее производных в когнитивном и коммуникативном пространстве // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 3. С. 13-18.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Целенаправленное речевое взаимодействие предполагает не только процесс понимания (взаимопонимания), но и процедуру воздействия. С точки зрения перспективных направлений современных лингвистических исследований, таких как психолингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика язык служит не только средством передачи информации, но и воздействия на собеседников, регулируя их социальные, межличностные отношения, ментальные состояния и поведение [Гришечко, 2008, с. 54].

Отвечая на вопрос, почему в XX веке возникает наука о речевом воздействии, И.А. Стернин (*Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.*) указывает следующие причины:

«Причины социально-политического характера: развитие свободы, демократии, появление идеи свободы личности, равенства людей потребовали науку, которая показала бы, как убеждать равного равного. Не случайно в античных демократиях речевое воздействие играло столь заметную роль и сошло на нет в средневековье, когда господствовали тоталитарные и религиозно-догматические формы правления. <...>

Причины психологического характера: с конца XIX века меняется концепция человека в обществе. Если ранее считалось, что человек примитивен, ленив, ему нужны кнут и пряник, и этим можно обеспечить его адекватное «функционирование» в обществе, то теперь представление о человеке меняется. Развитие культуры, литературы и искусства, возникновение научной психологии – все это привело к смене концепции человека.

Человек оказался сложным, разносторонним в психологическом плане, требующим дифференцированного подхода – словом, личностью. При этом личностью, как выяснилось, является каждый человек, а не только представители элиты, просвещенная часть общества, представители господствующих классов.

Кроме того, XX век – век персонификации личности, то есть роста индивидуальной неповторимости личности, увеличения непохожести каждого отдельного человека на других (термин Б. Д. Парыгина). <...>

Есть и чисто *коммуникативные причины* возникновения и развития науки о речевом воздействии в XX веке, то есть причины, связанные с развитием самого человеческого общения.

Для нашего времени характерно резкое расширение сфер общения людей, увеличение числа ситуаций, в которых необходимо вступать в общение и убеждать друг друга – не только в суде и на дворянских собраниях, как в прошлом. Расширяется само значение устной речи, она начинает выполнять все более разнообразные функции, играет все более существенную роль в обществе, что приводит к необходимости искать особые приемы в общении, уделять больше внимания разговорной речи.

Существуют и *экономические причины*, способствовавшие развитию науки о речевом воздействии: конкуренция, кризисы перепроизводства породили необходимость в науке о рекламе, «навязывании» товара, «завоевании» покупателей. Именно коммивояжеры были первыми, кто на себе осознал необходимость науки убеждать.

Кроме того, XX век принес и изменения в отношении к труду – люди начинают больше ценить интересную работу, что требует от менеджеров и руководителей умело организовать мотивацию подчиненных к труду: надо стимулировать их, мотивировать, убеждать. В современном западном менеджменте господствует мнение, что совершенствование техники перестает давать ожидаемый экономический эффект, больший эффект дает совершенствование управления производством (это называется «тихой управленческой революцией»).

Все сказанное и обусловило возникновение речевого воздействия как науки в современном мире» [Стернин, 2012, с. 6-8].

О междисциплинарном характере теории воздействия пишет в своей работе А.Н. Баранов (*Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.):

«Объектом теории воздействия являются когнитивные, психологические, социальные, языковые и другие механизмы, позволяющие влиять на сознание, на процесс принятия человеком тех или иных решений. Поскольку эти механизмы весьма разнообразны, то и сама теория воздействия оказывается, по сути, междисциплинарной, что выражается в отнесении этой проблематики к числу задач заведомо междисциплинарных научных направлений, оформившихся в последние десятилетия. Здесь имеются в виду прежде всего когнитивная наука, исследующая, среди прочего, присущие человеку способы мышления и, как следствие, способы интерпретации действительности. В какой-то мере в этом ряду может быть упомянут и искусственный интеллект — особенно те разработки в рамках ИИ, в которых создаются компьютерные модели политического мышления (см., например, [Абельсон 1987]). Кроме того, проблемы речевого воздействия в той или иной мере входят в сферу интересов социологии, психологии, философии, логики, юриспруденции, политологии, семиотики, теории рекламы, языкознания и, конечно, прикладной лингвистики, поскольку знания об устройстве языковой системы необходимы как для разработки технологий воздействия, так и для выявления случаев манипулирования сознанием» [Баранов, 2001].

Под речевым воздействием понимается «воздействие на индивидуальное и / или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью высказываний на естественном языке» [Гришечко, 2008, с. 54]. По определению, данному в словаре Эффективное речевое общение [Эффективное речевое общение 2014, с. 533], речевое общение – это «влияние, оказываемое на кого-л., что-л. посредством речи (речевого действия)», «функциональный вариант речевого поведения, основная цель которого – оказать влияние на собеседника (одиночного или коллективного), скорректировать его отношение к тем или иным явлениям, событиям, фактам, персонам и т.д.». Приводится точка зрения А.А. Леонтьева, рассматривающего речевое воздействие с психолингвистической точки зрения как «социально ориентированное общение» и как «преднамеренная перестройка смысловой сферы личности».

В современной лингвистике речевое воздействие рассматривается как одна из форм коммуникации, связанная с целенаправленностью речевой деятельности. И.М. Дзялошинский, используя понятие коммуникативного воздействия, понимает под ним «намеренное (спланированное) воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для инициатора коммуникации направлении» [Дзялошинский, 2012, с. 20]. В качестве характерных признаков обозначенного типа воздействия ученый называет следующие: стремление инициатора коммуникации «изменить сознание и поведение адресата, не собираясь меняться самому»; социальная природа воздействия; обусловленность актов воздействия речевой деятельностью человека и его коммуникативным опытом [Дзялошинский, 2012, с. 14-15]. Отмечается, что для анализа текстов «принципиальное

значение имеет не его форма и содержание, а интенции – цели и намерения автора текста, которые и определяют форму и содержание текста как единицы коммуникации. Именно интенция автора предопределяет выбор средств передачи информации или воздействия на сознание адресата [Дзялошинский 2012, с. 45]. Когнитивный аспект воздействия проявляется в управлении скрытым смыслом, через имплицитную информацию. Имеется в виду использование метафор, примеров и аналогий, которые «участвуют в осуществлении когнитивных операций, предполагающих соотнесение различных понятийных сфер и различных миров» [Дзялошинский, 2012, с. 51].

В работе по теории речевого воздействия О.С. Иссерс подчеркивается, что «коммуникация представляет “взаимообмен моделями мира”, интеграцию знаний говорящего в модель мира слушающего, и наоборот» [Иссерс, 2009, с. 61]. При этом воздействие на адресата осуществляется путем введения в его сознание новых знаний, актуальных для влияния на него.

ЗАДАНИЕ 3.14. Ознакомившись с работой *Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009 (С. 54-61)*, составьте перечень основных механизмов речевого воздействия.

Таким образом, при рассмотрении речевого воздействия с коммуникативных позиций подчеркивается прагматический характер явления, а с когнитивных – процесс перестройки категориальной структуры сознания, картины мира.

Современные теории речевого воздействия базируются также на идеях, разрабатываемых в психологии и психолингвистике. Специфика речевого воздействия как психолингвистического процесса заключается в преодолении защитного барьера реципиента и в выборе субъектом воздействия таких способов, как убеждение (логические операции аргументации, обоснования); побуждение (просьба, призыв, приказ, уговаривание); внушение (суггестия), направленное на подсознание человека [Навасартян, 2017, с. 7]. Суггестия определяется как «речевое воздействие на человека, воспринимаемое им без критической оценки, т.е. латентное (скрытое) вербальное воздействие» [Осокина, 2007, с. 69]. С.А. Осокина поясняет, что внешний облик слова представляет собой лишь первый этап в процессе воздействия, от качества которого зависит конечный результат коммуникации. Основу языкового воздействия на сознание составляет второй этап – понимание смысла, без которого «воздействие происходит только на уровне бессознательного суггестивного внушения» [Осокина, 2007, с. 71]. В научном описании характера языкового воздействия кроме «суггестивности» используется термин «персуазивность», обозначающий «воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или не совершению им определенных действий» [Чернявская, 2006, с. 2].

Следует обратить внимание на используемые в теории воздействия термины «речевое воздействие», «языковое воздействие» и «манипулятивное воздействие». Прежде всего,

отметим, что авторы не всегда достаточно отчетливо дифференцируют речевое и языковое воздействие. С.А. Осокина в своем исследовании механизмов языкового воздействия на человека упоминает об императивных конструкциях как основном элементе речевого воздействия, ссылаясь на мнение И.А. Стернина: «он использует термин «речевое» воздействие, а не «языковое», так как связывает предлагаемые способы с конкретной ситуацией общения, а не с работой общеязыковых механизмов» [Осокина, 2007, с. 72]. Кроме того, И.А. Стернин в своих работах разграничивает понятия «речевое воздействие» и «манипулирование»:

«Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. Манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [Стернин, 2012, с. 56].

Манипулятивное воздействие также обозначается как речевое или языковое. В словаре *Эффективное речевое общение* термины «речевое манипулирование» и «языковое манипулирование» даются как синонимичные в одной словарной статье:

«РЕЧЕВÓЕ МАНИПУЛÍРОВАНИЕ, или ЯЗЫКОВÓЕ МАНИПУЛÍРОВАНИЕ, – речевое воздействие, осуществляемое путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата в интересах манипулятора» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 534].

Н.Н. Болдырев, рассматривая в своей работе проблему вторичной интерпретации мира (*Болдырев, Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5-8*), обращается к когнитивным основам языковой манипуляции. В основе языковой манипуляции, отмечает ученый, «лежит активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, дискурсивной деятельности, в ментально-языковом конструировании окружающего мира. Она направлена на то, чтобы связать языковые значения с мотивами конкретного человека, превратить их в «личностные смыслы», в терминологии А.Н. Леонтьева» [Болдырев, 2023, с. 6]. Разновидности и формы языковой манипуляции определяются характером и целью воздействия на сознание адресата через процессы концептуализации и категоризации, то есть формирования языковой картины мира. Целью манипуляций является подмена понятий, переструктурирование общего и языкового

сознания, выдвижение новых доминант и на основе этого побуждение к определенным действиям [Там же].

ЗАДАНИЕ 3.15. Обратитесь к содержанию цитированной выше статьи Н.Н. Болдырева. В каких трех основных моделях интерпретации мира, по мнению ученого, реализуется манипуляция с помощью языка? Как реализуются селективная, классифицирующая и оценочная функции вторичной языковой интерпретации?

В.Е. Чернявская использует термин «речевая манипуляция» в контексте дискурсивной деятельности, рассматривая манипуляцию как *«речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата. Цель речевой манипуляции – склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов»* [Чернявская, 2006, с. 19].

Т.В. Ларионова, опираясь на теорию распределенной когниции, определяет манипуляцию, включая речевую, как «практику/модель существования в социальной группе в целом и в конкретной ситуации общения в частности, являющуюся результатом сформированных архетипичных практик общения и применяемую одним из членов социальной группы для получения скрытой выгоды» [Ларионова, 2020, с. 262]. Иными словами, манипуляции осуществляется путем перехода от следствия физического опыта к средству формирования когнитивного опыта. На наш взгляд, такое понимание манипулятивного воздействия отражает взаимодействие двух аспектов: коммуникативного (опора на опыт общения) и когнитивного (формирование когнитивных задач, опора на опыт познания).

В качестве целей речевого воздействия указывают «управление деятельностью собеседника, изменение поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок и т.п. в ходе речевого взаимодействия с ним» [Гришечко, 2008, с. 55]. Целью речевого манипулирования называют «скрытое внедрение в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент [Быкова, 1999, с. 99]. В соответствии с поставленными целями в психологии и психолингвистике выделяют такие разновидности речевого воздействия как предметно ориентированное взаимодействие в процессе совместной деятельности, личностно и социально ориентированное общение [Дзялошинский, 2012, с. 20].

При классификации видов речевого воздействия ученые используют различные принципы. Так, Е.Г. Гришечко в качестве критериев предлагает следующие: характер взаимодействия субъекта с объектом (прямое и косвенное воздействие), осознанность / неосознанность речевых действий и способ их аргументации (намеренное и побочное воздействие), иллюкативный (социальное, информационно-разъяснительное, эмоционально-

оценочное воздействие) и перлокутивный аспекты (оценочное, эмоциональное, рациональное), ориентация на собеседника (лично и социально ориентированное воздействие) [Гришечко, 2008, с. 55-56]. Языковое манипулирование разделяется на продуктивное (направленное на расположение к себе коммуникативного партнера и воздействие с использованием его слабостей) и непродуктивное (нацеленное на подчинение слушающего путем демонстрации его несовершенства) [Гришечко, 2008, с. 57]. По мнению Е.Г. Гришечко, «как продуктивная, так и непродуктивная манипуляция поведением адресата предполагает воздействие на его эмоциональную сферу, в отличие от других форм усиления волеизъявления, апеллирующих к рациональной сфере» [Гришечко, 2008, с. 58].

В качестве механизмов воздействия рассматриваются стратегии и тактики построения высказываний и текстов, разнообразные приемы и языковые средства. К стратегиям речевого воздействия относят стратегии интенсификации и «приуменьшения» («дозирование количества и качества информации о том или ином объекте действительности»), стратегию вежливости (создание «речевого имиджа человека, допускающего наличие у собеседника другого мнения, другой информации»), стратегия редуционизма («упрощения ситуации или проблемы») [Иссерс, 2009, с. 54, 57-58]. С.А. Осокина рассматривает в качестве стратегий языкового воздействия стратегию дискредитации (включает тактики цитирования, утрирования, уступки, обращения и т.д.); инвективную стратегию (включает тактики «черного оппонента», т.е. использование риторических вопросов, на которые собеседнику не дается права ответить, угрозы и др.) [Осокина, 2007, с. 72]. Одной из тактик воздействия может выступать характер передаваемой информации. По мнению Е.С. Шмелевой, «яркая, экспрессивная, но в тоже время компрессированная и неконвенциональная форма представления информации может не только послужить своеобразным апеллятивным «крючком», который привлечет внимание читателя, но и оказать воздействие на его мнение или даже полностью сформировать его» [Шмелева, 2020, с. 83].

Фактор сферы речевой деятельности позволяет исследователям выделять более частные разновидности воздействия. Так, Л.Г. Навасартян в качестве специфичных для СМИ манипуляций указывает искажение (смещение акцентов, преобразование, изменение части информации), селекцию (отбор фактов ради манипулирования информацией) и умолчание (сознательное умолчание о каких-либо фактах или предоставление только части информации) [Навасартян, 2017, с. 8]. Рассматривая в качестве основных стратегий манипулятивного воздействия искажение, умолчание и селекцию, исследователи уточняют, что посредством таких стратегий авторы медиатекстов пытаются «изменить концептуальную картину мира реципиента на желаемую и выгодную». Средствами реализации выступают организация текста, навешивание ярлыков, использование оппозиции «свой-чужой», смещения акцентов, частичное или выборочное представление фактов, ссылки на авторитетное мнение и т.д. [Рябуха, Шлопакова, 2022, с. 1946]. О.Н. Быкова, обращаясь к проблеме речевого манипулирования в текстах СМИ, выделяет такие приемы как сообщение реципиенту новых знаний или новой информации, ориентированных на перестройку категориальной структуры сознания и введение в нее новых категорий; введение новой

информации путем воздействия на смысловое поле с целью изменения его отношения к окружающей действительности [Быкова, 2000, с. 43-44].

Языковыми средствами воздействия могут выступать различные языковые единицы. По мнению С.А. Осокиной, спектр средств языка, применяемых для оказания определенного воздействия, должен распространяться на все уровни языка. Ученый отмечает, что «арсенал языковых средств довольно постоянен и включает определенный пласт лексики (эмоционально-оценочные слова, различные виды жаргонизмов, термины и специальные слова), тропы (сравнение, метафора, метонимия) и ограниченный набор предложенческих конструкций (восклицание, вопрос и риторический вопрос)» [Осокина, 2007, с. 72]. Для осуществления манипулятивного воздействия используются метафоры, эпитеты, сравнения, повторы, антитезы и другие средства выразительности; лексические средства, обладающие определенным эмоционально-оценочным значением, позволяющие «заставить адресата нужным образом интерпретировать информацию» [Рябуха, Шлопакова, 2022, с. 1946]. Т.В. Ларионова подчеркивает, что манипуляция «скрывается» за аргументативными средствами убеждения: «слова-аргументаторы позволяют скрыть логику изложения адресанта, его истинные намерения и донести до адресата только аргумент, который он будет интерпретировать как истину» [Ларионова, 2020, с. 263].

Как было отмечено выше, когнитивно-коммуникативные механизмы речевого воздействия включают обмен знаниями коммуникантами и интеграцию знаний адресанта в модель мира адресата. Неявная передача знаний вызывает появление *когнитивного диссонанса*, «когда человек располагает двумя взаимосвязанными элементами, противоречащими друг другу» [Иссерс, 2009, с. 62]. Избавиться от когнитивного диссонанса можно путем игнорирования новой информации или приуменьшения ее значения либо принятия этого нового знания [Там же].

Е.С. Шмелева отмечает, что механизмы манипулятивного воздействия предполагают наличие двух процессов – кодирования информации автором и ее декодирования адресатом. С позиций автора осуществляются когнитивные механизмы девиации, аналогии и бисоциации, с позиций интерпретатора – *инференция* и *когнитивный диссонанс* [Шмелева, 2020, с. 84]. Под *бисоциацией* (по А. Кёстлеру) понимается «вызванная объектом или некоторой идеей одновременная ментальная ассоциация с двумя иначе не связанными друг с другом областями» [Шмелева, 2019, с. 10]. Принцип бисоциации лежит в основе формирования различных речевых эффектов. Чаще всего исследователи оперируют этим понятием при описании комического эффекта.

Когнитивный механизм лингвистической *девиации* рассматривается как отклонение от языковой нормы. В.И. Заботкина, исследуя явление креативности, выделяет три типа девиации: «прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений)» [Заботкина, 2022, с. 186]. Такие отклонения могут привести к созданию двусмысленности, которая «может сопровождаться как положительными, так и отрицательными модальностями (радость,

удовольствие, удивление vs. испуг от неожиданности или неопределенности)». Намеренная двусмысленность, по мнению ученого, «представляет собой социокультурную угрозу манипуляции» [Заботкина, 2022, с. 187].

Аналогия трактуется как когнитивный механизм оперирования ментальными конструктами, основанный на сходстве или подобии. Ментальная деятельность посредством аналогии позволяет осуществлять сравнение нового знания с уже известным [Исаева, 2022, с. 111]. Различают несколько разновидностей аналогии как способа воздействия на адресата. Так, историческая аналогия выступает в качестве средства аргументации, образная – убеждения. Манипулятивное воздействие чаще всего связывают с ложной аналогией [Азначеева, 2017, с.124-130].

Понятие *инференции* подробно рассматривается в подразделе «ИмPLICITная информация» (см. Раздел 4).

ЗАДАНИЕ 3.16. С приемами манипуляции путем использования механизма аналогии можно ознакомиться в главе коллективной монографии *Азначеева, Е.Н. Аналогия как средство речевого воздействия в публицистическом дискурсе // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности / Отв. ред. Е.Н. Азначеева. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2017. С. 131-137.*

ЗАДАНИЕ 3.17. Пример реализации принципа бисоциации наглядно представлен в исследовании Е.С. Щировой (*Языковые средства создания комического эффекта в произведениях Карла Валентина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 19 с.*):

«Лексический уровень оказывается еще более насыщенным в отношении прецедентов языковой игры. Связано это, в том числе, и с тем, что каламбур, наиболее популярный прием создания языковой шутки, формируется именно на этом уровне. Для этого могут использоваться омонимы разных типов. Попадая в контекст, они способствуют идеальной реализации принципа бисоциации. Среди омонимов встречаются как полные омонимы, реализующие в контексте разные значения (например, *Mark* – 1) костный мозг; 2) денежная единица), так и омофоны (*Vierer* – *Führer*) и омоформы (*mager* – *mag er*). Помимо омонимов, в создании каламбура могут участвовать и многозначные слова. Часто Карл Валентин нейтрализует переносность и метафоричность одного из закрепленных за лексической единицей значений, за счет чего осуществляется прием деметафоризации, иногда – дегиперболизации. При этом обыгрывается полисемия как самостоятельных, так и служебных частей речи (например, предлог *unter* – 1) под; 2) среди). В качестве примера к первому может послужить следующий отрывок: «*Mein Vater hat mich sehr streng musikalisch erzogen. Als Kind habe ich nur mit der Stimmgabel essen dürfen, geschlagen hat mich mein Vater nach Noten*» («Мой отец воспитывал меня строго музыкально. Еще ребенком я должен был есть с помощью камертона, а бил меня мой отец по нотам»). На лексическом уровне

активное участие в создании комического эффекта принимают также синонимы и антонимы, которые могут быть лексическими, контекстуальными и стилистическими. В отдельных случаях может также рассматриваться и явление гиперонимии (гипонимии). Значительную долю в исследованном материале занимают также паронимы, образование которых фактически может быть также рассмотрено на фонетическом уровне в качестве оговорки (*ungeführt – ungefährlich*)» [Щирова, 2015, с. 13].

ЗАДАНИЕ 3.18. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме речевого воздействия:

1. Быкова, О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: вестник Российской риторической ассоциации. 2000. Вып. 1 (9). 6. С. 42-53.

2. Быкова, О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: вестник Российской риторической организации. 1999. Вып. 1 (8). С. 99-103.

3. Гришечко, Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53-58.

4. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.

5. Заботкина, В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 182–192.

6. Исаева, И.П. Роль аналогии как когнитивного механизма в языковой интерпретации // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания. Барнаул, 2022. С. 111-115.

7. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

8. Ларионова, Т.В. Принципы организации речевых манипулятивных практик общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 261-265.

9. Навасартян, Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 23 с.

10. Осокина, С.А. Существуют ли механизмы языкового воздействия на человека // Известия Алтайского государственного университета. 2007. С. 67-74.

11. Осокина, С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография / С.А. Осокина. Барнаул: Графикс, 2007. 224 с.

12. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
13. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.
14. Чернявская, В.Е., Молодыхенко, Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учебник. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.
15. Шмелева, Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78-86.
16. Шмелева, Е.С. Лингвокогнитивные модели каламбура в англоязычных медийных заголовках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.

Раздел 4. ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Термин «информация» употребляется для обозначения «данных, сообщаемых посредством тех или иных средств связи». В сфере коммуникативистики это значение расширяется, распространяясь на обмен сведениями. Ученые склонны рассматривать информацию наряду с коммуникацией в качестве таких всеобщих категорий как движение, время, пространство [Землянова, 2004, с. 161-162].

Для лингвистики в понятии «информация» значимы два аспекта: информация как результат отображения сведений о мире в психике человека (опыт, отраженный в представлениях и понятиях) и информация, передаваемая другому человеку (прежде всего вербально) [Чернейко, 2005, с. 63]. «Память индивидуума заполнена самыми разнообразными фрагментами его опыта. Однако их осознание, их участие в формировании смыслов и передаче этих смыслов другому без универсального знака-слова невозможно <...>». При этом «знаками объективации когниции (знания, представления, смысла) не обязательно являются знаки языковые, но обязательно знаки как материально-идеальные сущности» [Чернейко, 2005, с. 63]. К свойствам информации относят ценность, полезность, индивидуальность [Викулова и др., 2020, с. 242].

Информация представлена широким спектром разновидностей. В Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило перечислены следующие виды информации [Жеребило, 2010, с. 136]:

Логическая. «Вид информации, с помощью которой излагается знание и доказывается его истинность. Развертывание логической информации зачастую осуществляют поэтапно, с использованием терминов, точных наименований».

Подтекстовая. «Тип информации, который не выражен в тексте явно в языковой форме, но при этом могут наблюдаться косвенные сигналы авторской заинтересованности в к.-л. проблеме».

Содержательно-концептуальная. «Тип информации, построенный на изложении концепций автора».

Содержательно-фактуальная. «Тип информации, представленный в форме описываемых фактов».

Эстетическая. «Отражение автором знаний о мире в образной форме в целях самовыражения и художественного воздействия на адресата».

К видам информации относят также предтекстовую, притекстовую, подтекстовую; главную, уточняющую, дополнительную, повторную, нулевую [Жеребило, 2010, с. 126]; языковую, коммуникативную, идейную; рациональную, иррациональную, сверхрациональную: конкретно чувственную, сверхчувственную, экстрасенсорную [Жеребило, 2010, с. 136].

Содержательно-фактуальная информация выражается вербально, может содержать как сведения о фактах и событиях, так и о гипотезах, путях решения проблем. Содержательно-концептуальная информация извлекается из произведения и служит для передачи авторского понимания явлений, событий или фактов. Содержательно-подтекстовая информация – «это своего рода «диалог» между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной разновидностями информации», когда «подтекст сосуществует с вербальным выражением» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011, с. 108-109].

Наличие разновидностей информации позволяет выделить ряд аспектов, указывающих на проявление взаимодействия когнитивных и коммуникативных факторов в процессах предоставления и восприятия информации.

ЗАДАНИЕ 4.1. В предлагаемых ниже выдержках из статьи (*Рянская Э.М., Шевченко Ю.В. Проявление авторской индивидуальности в научном тексте: коммуникативно-прагматический аспект // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. VII Международная научная конференция (к 80-летию профессора Г.Н. Тараносовой), Тольятти, 17-19 апреля 2023 г. Сборник материалов. В 2 частях. Часть I / Под ред. И.А. Измestъевой. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023. С. 89-97*) на примере анализа текстов научных статей известного российского ученого Татьяны Владимировны Черниговской показано, что передача научного знания может носить личностный характер, отражая индивидуальную картину мира. Обратите внимание на то, как креативная деятельность ученого сочетается с реализацией коммуникативно-прагматических задач. Какое, на ваш взгляд, воздействие на адресата оказывает использование нетипичных для научного стиля языковых средств?

«Анализ теоретической литературы позволяет выделить ряд важных аспектов, характеризующих формирование авторской индивидуальности в рамках научных текстов. Значимым представляется положение, согласно которому идиостиль ученого формируется посредством одновременного включения в повествовательную канву языковых единиц, относящихся к информативному и коммуникативному уровням. Информативный языковой уровень включает в себя терминологическую, общенаучную и общеупотребительную лексику, в то время как коммуникативный характеризуется наличием единиц, помогающих устанавливать взаимосвязь между отрезками текста и управлять вниманием читателя, осуществляя речеорганизующую функцию в научном дискурсе [7, с. 12].

Неповторимый идиостиль ученого, который является маркером самовыражения и самопрезентации в рамках коллективного научного сообщества, формируется в результате гармоничного сосуществования и взаимодействия языковых единиц, характерных для текстов научного дискурса, с уникально-авторскими языковыми единицами. Уникальность и нетипичность организации текста выступает одной из ключевых составляющих формального выражения идиостиля ученого, и используется

для расстановки акцентов, передачи дополнительного смысла и придания языковым единицам эмоциональной окраски [6, с. 81]. Специфика научного дискурса обуславливает придание особой роли языковым единицам, относящимся к коммуникативному языковому уровню, и определяет необходимость использования в нем различных как типичных, так и индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик. <...>

В первую очередь, интерес вызывают заголовки отобранных статей. Выступая первичным коммуникативно значимым элементом структурной организации текста, заголовок несет в себе основную идею текста и направляет внимание читателя. Согласно общепринятым требованиям к заглавию научных статей, заголовок должен быть кратким, информативным и содержать ключевые слова, передающие основной смысл исследования [22, с. 33]. Обращаясь к заглавиям научных статей Т.В. Черниговской, можно отметить, что ученый отходит от традиционных принципов наименования статей в рамках научного дискурса: *«До опыта приобрели черты» ... Мозг человека и породивший его язык; Nature vs. Nurture в усвоении языка; Неотвратимое настоящее; Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога).*

Первый заголовок представляет собой пример необычной для научного дискурса реализации композиционной стратегии посредством тактики цитирования. Данный заголовок несет в себе две отдельные законченные мысли, где первая является цитатой из произведения известного отечественного поэта и прозаика О.Э. Мандельштама. Наличие примеров цитирования в научных текстах вполне закономерно и является неотъемлемым элементом аргументации и поддержания доказательной стратегии автора. Однако данный пример демонстрирует обращение ученого к тексту художественного дискурса, что несвойственно научному стилю. Цитата здесь является проявлением творческой индивидуальности ученого, она придает тексту яркое своеобразие, привлекая внимание научного сообщества своей оригинальностью. Приведенную цитату дополняет такой пунктуационный знак, как многоточие, который является маркером стратегии актуализации многозначности, указывающей на недоговоренность и незавершенность высказывания. Данная цитата в заголовке несет в себе скрытый смысл, заложенный ученым, раскрыть который удастся лишь после прочтения всего текста. <...>

Еще одной особенностью научных работ Т.В. Черниговской является выражение авторских эмоций и чувств, тесно связанных с тактикой оценочности:

И теперь, читая лекции в университете или планируя новые эксперименты, я уже не могу не учитывать всю целостность этой пестрой, но захватывающей картины.

Не менее обескураживающими выглядят обнаруживающиеся в языке «говорящих обезьян» свойства человеческого языка <...>.

На то, как происходит это поразительное овладение знанием сложнейшего кода <...>.

Эмоциональный план научного познания, по мнению Н.В. Данилевской, играет важную роль в процессе смыслоформирования научного текста, так как единство интеллектуального и эмоционального способствует формированию познавательного процесса [5, с. 39]. Познавательная оценка, проявляя себя в виде эмотивной оценки, выражает личное мнение автора, а также его отношение к знанию [21, с. 48]».

Понятие информации связано с категорией информативности. Под информативностью понимается «насыщенность содержанием, плотность информации; количество сведений и знаний, передаваемых в единицу времени» [Жеребило, 2010, с. 126]. В справочной и научной литературе выделяют информативность речи и информативность текста.

Информативность речи трактуется следующим образом:

«ИНФОРМАТИВНОСТЬ РЕЧИ – качество речи, состоящее в её соответствии постулату, который в формулировке Г.П. Грайса гласит: «Твое высказывание должно содержать информации не больше и не меньше, чем требуется для выполнения текущих целей диалога» [Грайс 1985: 222]. В соответствии с этим качеством речь должна быть актуальной и давать новое знание о предмете с учётом интересов и запросов адресата» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 199].

Таким образом, информативность речи определяется ее целью, направленностью на адресата и характеризуется актуальностью, сообщением нового знания. В теории текста рассматривается как текстовая категория, представляющая реализацию информативности различной степени насыщенности – от нулевой до концептуальной (Котюрова 2003, с. 110)» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 199].

Информативность текста рассматривается как «психолингвистическое свойство (категория) текста, соотносимое с его способностью участвовать в коммуникации в зависимости от социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных и других особенностей коммуникантов» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011, с. 108]. Степень информативности определяется новизной: «Для одного получателя сообщение будет новым, т.е. информативным, для другого это же сообщение будет лишено информации, поскольку содержание сообщения ему уже известно или непонятно» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011, с. 108]. Информативность текста рассматривается как относительный показатель, поскольку степень информативности определяется потенциальным читателем [Жеребило, 2010, с. 126].

Выделяется также информативность сообщения, представляющая собой категорию текста – системный признак, «связанный со свойством текста фиксировать знания о мире, отражающие авторское мировосприятие, выраженное в конкретной речевой форме» [Жеребило, 2010, с. 126].

ЗАДАНИЕ 4.2. Обратитесь к следующему фрагменту из монографии (Рянская Э.М., Алексеева Л.В. *Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории)*. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2020. 99 с.), посвященному проблеме информативности заголовка научного текста. Выберите и проанализируйте сборник научных статей по близкой вам научной тематике с точки зрения информативности заголовков содержащихся в нем публикаций.

«Идея о том, что знакомство с текстом начинается с заголовка, основная задача которого состоит в обозначении темы и привлечении внимания читателя, не нова. Т.А. Филоненко рассматривает заголовок как элемент начального стимула, поскольку он «подготавливает дальнейшее восприятие информации адресатом и помогает прогнозировать содержание текста» [94, с. 291].

Под прагматическим потенциалом текста, а соответственно и заголовка, мы понимаем его способность производить эмоциональный коммуникативный эффект, оказывать прагматическое воздействие на реципиента. Размышляя над этим феноменом, ученые выделяют различные прагматические свойства заголовка. Т.А. Филоненко склонна считать, что из большого спектра средств организации текстовой оформленности заголовочный комплекс представляет наибольший интерес. Влияние на успешность коммуникативного акта за счет аттрактивности заголовка обеспечивается графической оформленностью заголовка, а также размерами шрифта, расположением на странице, включением в заголовок стилистических средств, более характерных для газет, чем для научных публикаций [94, с. 294]. Воздействие на адресата осуществляется в любом, даже в чисто информативном тексте, считает А.А. Лютая, а следовательно, и в информативном заглавии, которое является частью текста [58]. Это важно подчеркнуть, так как для научных текстов, информативность – главное. Западные исследователи разграничивают заголовки, не несущие информативной нагрузки, так называемые «мертвые заголовки» (*deadheads*), и двусмысленные заголовки – заголовки с двумя лицами (*two-facedheads*). Привлекательность таких заголовков бесспорна, однако они порой сложны для понимания и вводят читателя в заблуждение. Например, научная статья, изданная в «Вестнике НВГУ» с заголовком «*Прошлое человечества и настоящее в человеке: между «негационизмом» и памятью, методологией и исторической «лентой Мёбиуса»*» не позволяет читателю точно определить, чему она посвящена, но ее непонятное название интригует, хочется статью «пробежать» взглядом, чтобы узнать, о чем же все-таки автор пишет. Другой пример не очень понятного заголовка: «*Роль конкретно-исторических комбинаций человеческих ценностей*». Без знакомства с текстом статьи определить ее смысловое содержание крайне сложно.

Таким образом, хотя и общепризнано, что заголовок представляет собой коммуникативное сообщение, прагматической установкой которого является

адекватная передача замысла автора с целью побуждения читательской аудитории к ознакомлению с содержанием текста, иногда читатель может столкнуться с заголовками, которые не передают ее основной смысл. И тогда мы имеем дело с неудачными заголовками» [Рянская, Алексеева, 2020, с. 22-23].

Наряду с информативностью речи и информационной насыщенностью текста выделяется понятие информирующей речи:

«ИНФОРМИРУЮЩАЯ РЕЧЬ – речь, целью которой является передача некоей суммы знаний, сообщение аудитории определённых сведений, которые должны вызвать интерес, любознательность слушателей, расширить их познания о предмете речи. Это может быть академическая или научно-популярная лекция, сообщение, доклад, отчёт, советы, рекомендации, объявление, инструкция» [Эффективное речевое общение, 2014, с. 204].

ЗАДАНИЕ 4.3. сравните информационные модели, рассматриваемые в Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило (информационная модель официально-делового стиля и информационная модель публицистического стиля) [Жеребило, 2010, с. 129-130, 131] по параметрам: «Ситуация общения», «Стилевые черты» и «Языковые средства». Проанализируйте в качестве иллюстрации тексты официально-делового и публицистического стиля, используя указанные модели.

ЗАДАНИЕ 4.4. Рассмотрите следующие термины и попытайтесь сформулировать теоретические проблемы, касающиеся информативности как важного аспекта коммуникативного процесса:

ИНФОРМАЦИЯ [лат. informatio разъяснение; просвещение]. 1) Осведомление; сообщение, сведения о ч.-л.; 2) обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; 3) мера организации системы; теория И. – теория сообщений; область кибернетики, в которой исследуются способы измерения количества И., ее сбора, кодирования, преобразования и передачи. [Жеребило, 2010, с. 136].

«ИНФОРМАЦИОННАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ РЕЧИ. «Насыщение» текста языковым материалом, а также различными мыслями, чувствами, состояниями сознания. **ИНФОРМАЦИОННАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ ТЕКСТА.** Абсолютный показатель качества текста, общее количество информации, содержащейся в тексте (Валгина 2003). [Жеребило, 2010, с. 135].

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ в СМИ. Информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем. [Жеребило, 2010, с. 136].

КОММУНИКАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Процесс межкультурной коммуникации невозможен без проникновения в сущность культурно-специфических концептов и категорий. «Внеязыковыми (экстралингвистическими) причинами своеобразия семантических систем могут быть различия в понятиях и понятийных системах народов как отражение различий в обстоятельствах и содержании материальной и духовной жизни народов» [Коннова, 2012, с. 131].

ЗАДАНИЕ 4.5. Ознакомьтесь с фрагментом статьи *Рянская, Э.М. Национально-специфические компоненты культур как фактор языкового многообразия // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Материалы Первой международной конференции (Москва, 14-16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. С. 481-485.* Каким образом одна из когнитивных процедур – членение мира отражается в языковом многообразии, которое влияет на межкультурную коммуникацию? О каких способах концептуализации действительности упоминается в статье?

«Культура, ее материальные и нематериальные проявления находят отражение в многообразии языков и входят в понятие «межкультурная коммуникация». Межкультурная коммуникация понимается как диалог между представителями различных культур, предусматривающий, в первую очередь, понимание национальных картин мира, в которых отражены свое видение действительности, определенные ценности [Викулова, 2008: 209].

В многонациональном государстве индивид часто социализирован в сферу нескольких языков и культур. В таком случае важно формирование не только этнической или региональной, но и множественной идентичности – осознания себя частью общества, имеющего единую территорию и историю, понимание необходимости толерантного отношения к другим народностям, поддержания диалога культур. Вековые межэтнические контакты на территории России способствовали формированию исторического опыта взаимодействия и интеграции, созданию общего пласта культуры и в то же время сохранению самобытности. Все это является существенным фактором межнациональной стабильности. Идея поддержки культурного многообразия как важнейшего условия существования и развития человечества вызывает необходимость изучения, отраженного в языках национально-культурного своеобразия.

Ситуация диалога культур народов, территориально удаленных друг от друга, несколько отличается от той, которая формируется на единой территории, где функционирует единый государственный язык. Существует разные подходы к изучению иностранного языка и иной национальной культуры – изучение языка на материале профессионального содержания, при котором культурно значимая информация оказывается случайной, фрагментарной; изучение культуры в разделе страноведения; изучение культуры через язык. Современная тенденция – это изучение языка в контексте подготовки к восприятию другой культуры, к осуществлению диалога культур, к межъязыковой коммуникации. Такой подход позволяет преодолеть такие трудности, как видение иной культуры через призму стереотипов и перенос опыта своей культуры на чужую.

В обоих случаях, идет ли речь о соседствующих культурах или о национально-культурных особенностях, транслируемых через языки иностранных государств, единым подходом к поиску межкультурного взаимодействия представляется комплексное изучение языковых фактов и передаваемой ими национально-культурной информации.

Культура, которую разделяет все общество, передается и эволюционирует от поколения к поколению благодаря продукту культуры – языку, часть лексического состава которого отражает реалии общества. Например, формулы вежливости указывают на социальную иерархию, термины родства отсылают к семейной организации, географические термины отражают восприятие человеком природных явлений и объектов, имеющих свою территориальную специфику или уникальность, регионализмы свидетельствуют о самобытности региона и населяющего его этноса, грамматические и лексико-грамматические категории отражают пространственно-временную организацию бытия и т.д. Язык отличает одну культуру от другой, кодифицирует компоненты культуры, имеющие большое значение для ценностей определенного общества.

Неодинаковость языкового членения мира – одна из причин несовпадения языковых репрезентаций. При решении задач установления связи между народами и культурами через язык одной из целей является адаптация к восприятию понятий, не существующих в другой социолингвистической общности. Теория познания в качестве важных ставит вопрос о том, «располагают ли носители различных языков одним и тем же понятийным набором» [Вежбицкая 1996: 320]. Понятие как результат обобщенного познания мира, как «аналитическое познание образа» [Потебня 1999: 140] представляет собой одно из звеньев познания, возникает из представлений, основанных на восприятиях, которые являются результатом познавательной деятельности человека, содержит в себе образ предмета или явления объективного мира, отражающий их общие свойства. Перечисленные характеристики, присущие понятию, способствуют коммуникации, но при этом могут наблюдаться и расхождения. Довольно большой пласт специальной лексики как результат детализации понятий, отражающий

национальную самобытность, связан с практически значимыми объектами или предметами. Понятие, занимающее промежуточное место между словом и реальным объектом, содержит, с одной стороны, обобщенное представление об объекте, с другой – особое мировидение. Отсюда – различия в объеме семантики слов разных языков и в их функционировании в речи.

... свойственные различным языкам способы концептуализации действительности отчасти универсальны, отчасти национально специфичны. Факторами, влияющими на многообразие представлений об объектах и явлениях действительности, выступают культурно значимые компоненты – обычаи, уклад жизни, привычки, климат, экономические возможности, менталитет. Восприятие другой культуры через язык связано с определенными трудностями: формирующий национальную языковую картину мира культурный пласт очень обширен, поэтому, кроме языковой компетенции необходимы фоновые (страноведческие, культурологические и т.д.) знания» [Рянская, 2016, с. 481-485].

ЗАДАНИЕ 4.6. Ознакомьтесь с проблемой извлечения культурнозначимой информации из текста (Рянская, Э.М., Яковлева, А.М. *Формирование лингвокультурной и транскультурной компетенции при обучении иностранному (английскому) языку // Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики: коллективная монография / Отв. редакторы Э.М. Рянская, д-р филол. наук, профессор, М.А. Степанова, канд. филол. наук, доцент. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 67-93.*). Что понимается под терминами «культуротекст» и «текстовая информация»? Поясните, почему культуротекст является элементом когнитивной, информационной и коммуникативной систем?

«Одним из источников культурнозначимой информации являются различного рода тексты. Как справедливо отмечено в работе Л.Г. Викуловой, письменное издание является хранителем и распространителем культуры, инструментом познания [Викулова 2017: 11-12]. Работа с иноязычным текстом активизирует навыки извлечения разнообразной информации. Распространение в методике новых направлений и технологий привело к появлению текстоориентированного подхода, который предполагает использование текста как основной дидактической единицы обучения, «поскольку именно текст, представляющий собой продукт речевой деятельности человека, выступает и в качестве цели, и в качестве результата этой деятельности» [Мерзлякова 2004]. Текст является той структурой, в которой все языковые единицы объединяются в организованную определенным образом систему. Процесс анализа и интерпретации текста представляет собой «творческое воссоединение всех составляющих фаз любой предметной деятельности: ориентировочной, исполнительной и контрольной, в результате чего возникают и вновь формируются мысли, предположения, выводы, обобщения» [Там же].

Следовательно, деятельность, направленная на обучение извлечению информации из текста, включается в сложный образовательный процесс.

А.В. Рубцова в своем исследовании технологии модульного обучения продуктивному филологическому чтению в иноязычном образовании проводит комплексный анализ научных подходов к трактовке и пониманию текста с точки зрения различных наук, включая филологию, культурологию и ряд других. Автор трактует текст как «единицу знакового общения, представляющую собой сложную, организованную содержательно-смысловую целостность, определяемую как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединённых в единую замкнутую содержательно-смысловую структуру» [Рубцова 2012: 19]. Понимание текста как социокультурного феномена раскрывается ученым в понятии «культуротекст», под которым подразумевается «основной элемент существующей коммуникативной системы, функционирующей в социокультурном пространстве». В рамках культуротекста выделяется «иноязычный текстовый продукт», который определяется как результат продуктивной иноязычной образовательной деятельности, предполагающей развитие межкультурной коммуникации, связанной с обменом знаниями, представлениями, идеями, ценностями, идеалами и т.д. [Там же].

С.В. Борисова предлагает следующую формулировку понятия «текстовая информация»: «это структурно-смысловое единство знаков, образов и символов, предназначенное для передачи содержания с информативной и эмоционально-личностной доминантой» [Борисова 2012: 161]. Рассматривая содержательно-смысловые параметры текстов, автор отмечает, что содержание текста должно соответствовать «картине мира» обучающегося, его знаниям и опыту, а понимание читаемого возможно лишь при взаимодействии воспринимаемой информации с имеющимися знаниями [Борисова 2012: 162].

Текстовая информация может быть эксплицитной и имплицитной. О.С. Милотаева пишет о формировании ряда умений, необходимых для понимания имплицитного смысла. Среди них отметим умение отвлечься от словарного значения слова или словосочетания, соотнести его с описываемой ситуацией, опираясь на контекст; умение пользоваться фоновыми знаниями для восполнения смысловых лакун; умение делать умозаключения [Милотаева 2015].

<...> Свойством широкой информативности обладают, прежде всего, медиатексты, насыщенные лексическими единицами с культурным компонентом значения. Е.В. Журавлева справедливо отмечает, что газетно-публицистический стиль является одной из сфер, в которой формируются новые языковые средства для обозначения новых явлений в обществе [Журавлева 2006]. Материал прессы позволяет ознакомиться не только с явлениями актуальной языковой действительности, но и с реалиями культуры, истории, географии, повседневной жизни и т.д. страны изучаемого языка. Изучение языка прессы может включать поиск национально-культурных компонентов в лексике и выявление лексических единиц, содержащих

социокультурную и национально-культурную информацию. Коммуникативной и культурной значимостью могут обладать топонимы, антропонимы, имена исторических личностей и святых, фразеологизмы, отражающие исторические события, нравы, быт, обычаи; аббревиатуры, прецедентные феномены, а также литературные аналогии, намеки на исторические события, пародии, иносказания [Там же]» [Рянская, Яковлева, 2018, с. 67-93].

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Важными для обоснования природы взаимодействия когниции и коммуникации являются вопросы, касающиеся имплицитной информации, механизмов извлечения смысла из предоставляемой информации. По мнению С.А. Титаренко, в интерпретации передаваемой информации задействованы связанные между собой и обусловленные коммуникативной ситуацией лингвокогнитивные процессы, прагматические интенции, принципы декодирования, когнитивная перцепция высказываний и речевое поведение [Титаренко, 2022, с. 122]. В качестве основных когнитивных операций извлечения смысла выступают импликация и инференция, позволяющие достичь понимания прагматических интенций, в том числе, скрытых. *Инференция* – умозаключение, формируемое на основе субъективного знания, а также из речевого контекста (см. раздел 1). *Импликация* – «логическая операция, приблизительно соответствующая сложному обороту, составленному из двух высказываний, соединенных между собой составным союзом “если, то...”» [Жеребило, 2010, с. 118]. В качестве примера С.А. Титаренко рассматривает восприятие семантически непрозрачных и прагматически нагруженных лексических единиц (неологизмы, лексемы субстандартного вокабуляра и др.) и заключает, что «любая языковая единица, которая кажется достаточно отличной от общеупотребительной литературной нормы и от стандартных словообразовательных моделей, стимулирует наш мозг, включая диалектные различия и предполагаемые ошибки их использования. Поэтому перцепция сленговой лексики основывается на когнитивном механизме инференции, т.е. представляет собой силлогизм как заключение из импликаций или языковых посылов, позволяющее сделать вывод или дедуктивное умозаключение самостоятельно путем переосмысления полученной информации» [Титаренко, 2022, с. 124].

ЗАДАНИЕ 4.7. Познакомьтесь с фрагментами статьи И.В. Одинцовой (*Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4*). Как автор характеризует явление имплицитной информации? Как дифференцируются понятия «импликация» и «инференция»? Обратитесь к полной версии статьи для ознакомления с обзором теоретических позиций ученых по рассматриваемым вопросам.

«Особая проблема языка — имплицитность, т. е. неявное, опосредованное выражение части информации, отраженной в поверхностной структуре предложения и

текста. Проблема имплицитности стала актуальной в языкознании в связи с осознанием того, что «мы извлекаем из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [7: 206]. Имплицитность является одной из универсальных языковых категорий, существование которых обусловлено асимметрией плана содержания и плана выражения, несоответствием категорий языка и мышления. Имплицитность – правило существования языка. Наше восприятие речи и характер ее по рождению воспитаны на смысловых пропусках. <...>

То, что достраивает слушающий или читающий, в лингвистической литературе, прежде всего, связано с проблемами импликации и инференции, а также теми явлениями, которые под этими терминами подразумеваются. <...>

Опираясь на разграничение конвенциональных и коммуникативных импликатур, можно разграничить и операции, с помощью которых эти выводы осуществляются. Импликация – когнитивный механизм, позволяющий выводить подразумеваемый смысл в опоре на буквальное содержание высказывания и общие знания о мире. В результате импликации детализируется, расширяется пропозиция, закодированная в лингвистической форме. Инференция – когнитивный механизм восстановления скрытого смысла, вычитываемого адресатом, исходя из контекста и ситуации высказывания, когда говорится одно, а подразумевается что-то еще в дополнение к сказанному. Механизм инференции основан на подвижности языкового значения и возможностей адресата извлечь смысл из изменчивого ситуативного контекста, интенций адресанта, его целей и предпочтений. Инференция основывается на разных когнитивных операциях (генерализация, спецификация, аналогия, компрессия, фокусирование, рефрейминг и т. д.), в том числе на операции импликации, и является завершающей операцией вывода смысла» [Одинцова, 2016].

ЗАДАНИЕ 4.8. Рекомендуем ознакомиться с литературой по проблеме информации в когнитивном и коммуникативном аспекте:

1. Викулова, Л.Г., Желтухина, М.Р., Герасимова, С.А., Макарова, И.В. Коммуникация. Теория и практика: учебник пособие. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 336 с.

2. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

3. Землянова, Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 416 с.

4. Коннова, М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 313 с.

5. Лингвистика информационно- психологической войны: монография. Кн. III / Под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 344 с.

6. Одинцова, И.В. Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4.

7. Рянская Э.М. Национально-специфические компоненты культур как фактор языкового многообразия // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Материалы Первой международной конференции (Москва, 14-16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. С. 481-485.).

8. Рянская Э.М., Яковлева А.М. Формирование лингвокультурной и транскультурной компетенции при обучении иностранному (английскому) языку // Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики: коллективная монография / Отв. редакторы Э.М. Рянская, д-р филол. наук, профессор, М.А. Степанова, канд. филол. наук, доцент. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 67-93.

9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / Под ред. М.Н. Кожинной; 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

10. Титаренко, С.А. Лингвокогнитивные механизмы регуляции прагматического воздействия на перцепцию субстандартной лексики в процессе коммуникативного акта (на материале английского сленга) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 121-129.

11. Чернейко, Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 30 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 43-73.

12. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.

Раздел 5. СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОГНИТИВНОМ И КОММУНИКАТИВНОМ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Семасиологический и ономасиологический подходы существуют как противопоставленные друг другу. В рамках лексической семантики они применяются как два подхода к изучению лексики. Ономасиологию рассматривают как *область лексической семантики* и как *теорию номинации*, при этом отмечается, что «ономасиологический аспект исследования семантики оформился на базе достижений теории номинации» [История и методология науки, 2015, с. 28]. В ономасиологическом плане номинация понимается как процесс обращения фактов действительности в языковую форму, т.е. как объективация членения мира в процессе его познания [Митев, 2012, с. 16]. Ономасиологическая позиция позволяет найти ответ на вопросы, как реализовано именование объектов мира и каков его результат исходя из системной организации и функционирования языковых единиц [Там же, с. 10]. В соответствии с определением, данным в Лингвистическом энциклопедическом словаре, ономасиология предполагает исследования «от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении, и к их обозначению языковыми средствами» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 345]. По определению А.Е. Бочкарева, «в ономасиологическом аспекте требуется установить, что собой представляет обозначаемая словом вещь, в семасиологическом – как задается в обозначении вещи в языке смысл имени» [Бочкарев, 2014, с. 156].

ЗАДАНИЕ 5.1. Опираясь на предложенные определения, выберите и сравните ключевые слова, характеризующие семасиологию и ономасиологию в контексте теории номинации. Дополните их перечень, обратившись к лингвистическим словарям и научным источникам.

1. «СЕМАСИОЛÓГИЯ (от греч. σημασία – значение, смысл и ... логия), в рус. и европ. традиции – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, т.е. значениями слов и сочетаний, которые используются для называния, номинации отд. предметов и явлений действительности».

«ОНОМАСИОЛÓГИЯ (от греч. ὀνομασία – называние, именование и ...логия), теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами. О. изучает все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной, или репрезентативной, функции. В совр. языкознании представлена и более узкая трактовка О. как учения о процессах называния словом и лексич. объективации понятий, и более широкая концепция О. как области исследования всей номинативной деятельности в языке, отражающей и объективирующей членение мира в ходе познания его объектов и связей» (Большая российская энциклопедия 2004-2017) [old.bigenc.ru>linguistics/text/2689729].

2. «Семасиология – раздел семантики, занимающийся лексической семантикой, т.е. значениями слов и словосочетаний, которые используются для называния, номинации отдельных предметов и явлений действительности. Как пишет М. А. Кронгауз, семасиология изучает переход от формы слова к мысли или предмету, в то время как ономасиология изучает саму номинацию – переход от предмета или явления к их обозначению в языке, то есть изучающий то, как происходит называние [Кронгауз, 2005, с. 6]. Ономасиология (от др.-греч. ὀνομασία – именование, обозначение, перечисление и др.-греч. λογος), или теория номинации, – один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии» [Доржиева, 2019, с. 6].

3. «Ономасиология – раздел языкознания, занимающийся изучением слова с точки зрения внешней обусловленности его наименования. Ономасиология отвечает на вопрос, почему данный предмет назван именно так, и противопоставляется семасиологии в аспекте направления исследования: если семасиология исследует значение в его отнесенности к обозначаемому предмету, то ономасиология рассматривает, какие свойства этого предмета приняли участие в формировании языкового знака и почему» [ido.tsu.ru/iop_res/yazikoznanie/text/10.html].

ЗАДАНИЕ 5.2. В статье Е.С. Кубряковой, представленной в «Большой российской энциклопедии 2004-2017», дано описание ономасиологического подхода к исследованию языка. В чем видит автор отличие ономасиологического подхода от семасиологического? Ученый отмечает, что оба вида анализа связаны с изучением значения, но подходят к нему с разных сторон. Сформулируйте кратко эти различия. Каким образом противопоставление двух процессов (от содержания к форме и от формы к содержанию) иллюстрирует коммуникативную ситуацию?

«Ономасиологич. подход к исследованию языка, в отличие от семасиологического, – тот, который рассматривает содержат. сторону языковых единиц не с точки зрения формирования их внутрисистемных значимостей и механизма семантич. распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, т. е. соотнесенности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованя последнего («Языковая номинация», т. 1–2, 1977).

В цепочке «предметный ряд – обозначение» выделяется ещё одно звено: осмысления объекта и формирования представления или понятия о нём в ходе предметной и/или познавательной деятельности человека, что и позволяет в конечном счёте говорить о значении как исходной величине ономасиологич. анализа (в др. терминах – о понятии, смысле и т. п.).

Противопоставление О. и семасиологии носит гносеологич. характер, т. к. выбор того или др. аспекта в анализе явления обусловлен конкретными задачами исследования. Но это противопоставление имеет и онтологич. корни: переход от значения или смысла к формам его выражения соответствует деятельности говорящего, а переход от

формы к значению – деятельности слушающего. На этом основании нередко полагают, что О. имеет динамичный характер, семасиология же статична, т. к. исходит из готовой, имеющейся формы. В О., идя от неких заданных значений, часто приступают к поискам форм их объективации, которые связаны с восстановлением синхронной истории создания формы, а значит, с её синтезом и динамичным процессом её создания. Однако ономаσιологич. анализ может иметь и нединамичный характер: исследуя, напр., определённый класс слов, задаются вопросом о том, для наречения каких сущностей, величин и т. п. этот класс служит, обозначение каких явлений он отражает. Именно такой путь исследования позволил установить ономаσιологич. характеристики отд. частей речи и уточнить особенности выполняемых ими номинативных функций. Объединение О. и семасиологии как взаимодополнит. разделов в рамках семантики диктуется тем, что обе дисциплины связаны с изучением значения, но подходят к нему с разных сторон. В анализе ряда явлений правильнее совмещать ономаσιологич. подход с семантическим» [old.bigenc.ru>linguistics/text/2689729].

ЗАДАНИЕ 5.3. Монография Дамяна Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)» демонстрирует пример реализации ономаσιологического подхода, сочетающего анализ результата номинативной деятельности и изучение языковой объективации членения мира при номинации объектов действительности. Ознакомьтесь с фрагментами рецензии на эту работу (Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Дамян Митев «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)»: *Монография. Велико Търново: Издательство «Фабер», 2012. 400 с.: научная рецензия // Болгарская русистика. № 3. 2016. София: Издательство Общества русистов Болгарии. С. 79-83.*) Как Д. Митев трактует ономаσιологический подход? В чем, согласно рецензентам, состоит важность выбора этого подхода? Какое содержание автор монографии вкладывает в понятие ономаσιологической категории? Что в рецензии говорится о соотношении ономаσιологического и когнитивного подходов, о специфике ономаσιологических категорий по сравнению с другими языковыми категориями – понятийными, семантическими, словообразовательными? На какие наиболее важные характеристики ономаσιологических категорий указывают рецензенты?

«<...> Во введении к монографии подчеркивается специфика категории, заключающаяся в разноплановости возрастных признаков, языковая объективация которых проявляется в использовании разноструктурных и разноуровневых средств, выполняющих сходные функции. Данное обстоятельство обусловило выбор ономаσιологического подхода, который, согласно обозначенной автором трактовке, предполагает изучение лексической семантики, или значений, используемых для номинации объектов действительности. Выбор ономаσιологического анализа представляется крайне важным, поскольку он демонстрирует перспективы для

изучения универсальных категорий на материале нескольких языков. Уместно в этом контексте привести цитату из работы известного французского лингвиста Гюстава Гийома (Gustave Guillaume, 1883-1960), который отмечал, что «в традиционной сопоставительной грамматике наблюдению подвергалась почти исключительно физическая сторона слова. Но не рассматривалось отношение, капитальное для структуры и архитектуры человеческого языка, отношение физического и ментального» [Гийом 1992: 72]. Ученый предвосхитил значимость когнитивного и ономазиологического направлений (которые тесно пересекаются) для изучения механизмов концептуализации и категоризации на материале разных языков. Когда речь идет о многослойной структуре категории, именно ономазиологический анализ, избирающий в качестве отправной точки исследования содержание, а не форму, позволяет оптимально решить не только задачи сопоставительного анализа, но и наиболее полно параметризовать содержание исследуемой категории.

В работе болгарского лингвиста приоритет отдается решению задачи, ориентированной на комплексное изучение специфики категории, которая рассматривается в качестве ономазиологической. При этом в центре внимания ставится тесная связь с проблемами семиотики и когнитивной лингвистики. <...>

Значимой следует считать разработку теоретических положений, определяющих понятие ономазиологической категории. Первая глава посвящена истокам ономазиологии как языковедческой дисциплины. Автор отсылает читателя к различным эпохам, в том числе к Античности, подчеркивая, что интерес к познанию природы языка, к номинации как сложной мыслительно-языковой и речемыслительной деятельности поддерживался представителями различных наук. Д. Митев отмечает, что современное понимание ономазиологии основано на трактовке номинативной деятельности в языке как объективации членения мира в процессе его познания. Именно в этом аспекте – номинативной деятельности языка – и рассматривается в работе категория *возраст*. Для автора важен поиск ответа на вопрос: «как осуществляется именование предметов и явлений действительности средствами языка и каков результат этого обозначения в работающей системе языка» (с. 16). Отметим, что ученый следует в этом главному принципу ономазиологического и когнитивного подходов: значимо не описание фактов языка, а их объяснение. При сопоставительном анализе языкового материала такой подход позволяет увидеть различия в детализации параметров категорий.

Как верно заметил автор рецензируемого труда, ономазиологический подход обоснованно позволил расширить теоретический аппарат и 'вступить' в междисциплинарное 'пространство' когнитивной лингвистики. В работе подчеркивается, что ономазиология связана с изучением того, как соотносятся понятия и языковые знаки, каким образом за разными фрагментами объективной действительности закрепляются соответствующие наименования и каковы

функциональные ориентации этих наименований. Ответы на эти и другие вопросы даются в последующих главах, содержащих анализ языкового материала.

Отдельный раздел работы посвящен специфике ономаσιологических категорий по сравнению с другими языковыми категориями – понятийными и семантическими. Устанавливается общая связь с понятийными категориями, поскольку и те, и другие имеют классификационный характер, связанный с когнитивной классификационной деятельностью человека. Согласно выводам автора, главное отличие от понятийных и семантических категорий, заключается в функциональной направленности ономаσιологических категорий к обозначению, т.е. к систематизации языковых единиц, репрезентирующих определенные объекты или явления действительности. Что касается грамматических и словообразовательных категорий, то они подводятся под ономаσιологические категории или являются формой их реализации.

Считаем необходимым отметить следующие наиболее важные характеристики ономаσιологических категорий: 1) ономаσιологические категории не строго связаны в определенными способами и средствами выражения; их общее категориальное значение более тесно связано с бытийными формами категориального мышления; 2) среди этих категорий преобладают категории реального содержания (предметного, процессуального, качественного); как и другие языковые категории, они имеют полевую структуру. Однако следует заметить, что языковой материал иногда диктует использование в контексте ономаσιологического подхода иных, кроме полевых, моделей описания структуры категории [см., например, Рянская, Федорова, 2015].

Особому рассмотрению в монографии подлежит соотношение ономаσιологических категорий и словообразовательных категорий, поскольку, как подчеркивается, словообразовательная номинация является ведущей в ономаσιологическом пространстве русского и болгарского языков. Именно при изучении производных слов выявляются мотивы означивания. В работе большое место уделено словообразовательным элементам, участвующим в передаче возрастных характеристик. В этой связи подчеркнем значимость следующего вывода: если ономаσιологические категории связаны с категоризацией и языковой репрезентацией фрагментов действительности, то словообразовательные категории являются основным языковым механизмом реализации и пополнения ономаσιологических категорий (с. 49)» [Викулова, Рянская, 2016, с. 79-83].

ЗАДАНИЕ 5.4. Прочтите фрагмент из работы Т.Г. Скребцовой (*Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018*). Кто из лингвистов в XX веке выделил семасиологический и ономаσιологический подходы к исследованиям языка? В каких направлениях было положено начало применения ономаσιологического подхода?

«СемасиологияvsОномасиология

Разделение этих двух аспектов семантики довольно четко сформулировал Ф. Дорнзайф, писавший, что семасиология (*Bedeutungslehre*) идет в направлении «от звучания к содержанию» и пытается ответить на вопрос: «Что значит данное слово, сочетание слов?», в то время как ономасиология (*Bezeichnungslehre*) движется «от содержания к выражению» и ставит вопрос иначе: «Какие существуют слова, сочетания слов для выражения определенного содержания?» (цит. по: [Новиков 1982: 80–81]). Впрочем, за несколько десятилетий до этого один из основоположников современной семантики М. М. Покровский уже включал в программу сравнительных исследований оба пункта: «1) какую семасиологическую судьбу имеет в различных языках слово, соответствующее такому-то понятию; 2) как выражается в различных языках какое-то понятие» [Покровский 1959: 111]. В целом, в семантических исследованиях первое направление традиционно представлено гораздо шире, чем второе: по-видимому, сказывается то, что проще иметь в качестве отправной точки материальную сущность, чем идеальную¹. Тем не менее ономасиологические исследования отстаивали свое право на существование, и этим они обязаны прежде всего теории семантического поля. Активное изучение внутренней организации словарного состава и попытки ее описания «по сферам жизни, по содержаниям» [Вайсгербер 2004: 90] требовали перспективы «от понятия к слову». В 1927 г. Лео Вайсгербер даже написал статью под говорящим названием “*Die Bedeutungslehre — ein Irrweg der Sprachwissenschaft?*”, которая не только утверждала право ономасиологии на существование, но и подвергала сомнению обоснованность семасиологии: дескать, не ложным ли путем идет языкознание?

Заданный неогумбольдтианцами ономасиологический вектор подхватили исследователи, занимающиеся изучением наивной картины мира, отраженной в том или ином языке, что в свою очередь дало мощный выход в области этнолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Современное развитие когнитивной лингвистики (в отличие от генеративизма) в целом способствует заинтересованному отношению к гипотезе лингвистической относительности и, следовательно, ономасиологическим исследованиям. Когнитивистов здесь привлекает не столько выявление межъязыковых соответствий и особенностей национального мировидения, сколько возможность анализировать, как те или иные признаки вещей (признаков, процессов и т. д.) обуславливают выбор способа номинации среди членов соответствующей лексико-семантической парадигмы. Характерная для когнитивной лингвистики установка на экспланаторность проявляется в такого рода работах, возможно, ярче, чем где бы то ни было.

<...> Сравнительные ономасиологические исследования, проводимые на материале неродственных, разноструктурных и неконтактных языков, способствуют становлению новой области языкознания — семантической типологии. Это направление активно развивается усилиями со трудников Института

психолингвистики Общества Макса Планка. Из конкретных проектов отметим работы, посвященные изучению и со поставлению наименований частей человеческого тела в языках мира, ср. [Enield, Majid, van Staden 2006]. Этот материал, с точки зрения исследователей, представляет собой идеальный предмет для межъязыковых сопоставлений, как с точки зрения лексической семантики, так и когнитивной лингвистики. Помимо самостоятельной ценности, результаты анализа имеют значение для изучения того, как в том или ином языке концептуализируются пространственные отношения: ведь нередко за основу берутся названия некоторых частей тела. Итоги исследований в общем оказались вполне предсказуемыми: они говорят о наличии как универсальных принципов номинации, так и особенных, присущих отдельным языкам черт» [Скребцова, 2018, с. 259-260].

Таким образом, в самом общем виде семасиологический подход реализует метод исследования «от формы к содержанию», а ономасиологический – «от содержания к форме». Следует подчеркнуть, что необоснованным является отождествление ономасиологического подхода с функциональным, поскольку методика функционального анализа предполагает предварительное изучение того, в каком значении или в каком статусе выступает та или иная языковая единица, т.е. реализуется формула «форма – функция» [Рянская, 2017, с. 221]. С развитием когнитивного направления внимание к ономасиологическому анализу становится более заметным. Особо актуальным такой подход оказывается при межъязыковых исследованиях.

ЗАДАНИЕ 5.5. Ознакомьтесь с фрагментами статьи (Рянская, Э.М. Подходы к изучению сходных языковых явлений в разноструктурных языках // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: Сборник статей. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скредлиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.). М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 219-225*). Какие преимущества, на ваш взгляд, имеет ономасиологический анализ по сравнению с традиционными методами? Какова его роль в межъязыковых исследованиях?

«Изучение языковых явлений на материале разноструктурных языков выдвигает на первый план проблему выбора исследовательских подходов и принципов лингвистического анализа. Разные языковые системы не совместимы друг с другом из-за несовпадения эволюционных процессов и из-за того, что в языках «запечатлеваются разные системы репрезентации, разные этапы познавательной деятельности» [Ажеж 2003: 137]. Кроме того, «при тождественности внешнего мира языки могут по-разному проводить разграничения внутри него. В результате образуется разное число классов с разным содержанием» [Там же: 60]. Так, обсуждаемые представителями разных наук аспекты времени обнаруживаются в языках в различных формах – в лексическом, грамматическом или лексико-грамматическом выражении. <...>

Одним из критериев качества научного описания считалась, как отмечает Г.Г. Галич, полнота охвата исследуемых формальных структур. Полевые исследования описания строились вокруг морфологических категорий, таким образом, смешивалось семантическое содержание с формально-грамматическим [Галич 2011: 240]. Традиционный описательный метод «от формы к функции» или «от формы к значению» при межъязыковом сопоставлении создает определенные проблемы системного, комплексного описания явлений в связи с тем, что мы сталкиваемся с разными структурными образованиями. Так, если при изучении способов действия взять за основу семасиологический анализ (от формы к выражаемому значению), то необходимо будет группировать разные языковые средства, с разными морфологическими указателями не только в сопоставляемых языках, но и внутри одного языка. Например, при описании итеративного действия в русском языке рассматриваются префиксально-суффиксальные формы глагола (*постукивать, наигрывать, напевать*), суффиксальные формы (*хаживать*), сочетание глагола с временным указателем (*стучать время от времени*). Во французском языке сходную роль могут выполнять глагольные суффиксы (*toussoter*; покашливать; *chantonner*, напевать), сочетание глагола с временным или иным указателем (*frapper de temps en temps*, постукивать; *jouer légèrement*, наигрывать), а также отглагольные существительные с неопределенным артиклем множественного числа (*pousser des soupirs*, вздыхать). Таким образом, в одном ряду окажутся и морфологические, и аналитические средства. Хотя изучение формальных средств не обходится без обращения к значениям слов, системное описание содержательной структуры категории будет затруднено. Необходим переход в сферу ономаσιологического анализа, результатом которого будет параметризация итеративности.

<...>

Постановка вопроса об использовании ономаσιологического подхода в лингвистике не нова. О необходимости изучения не только формы слова, но и взаимоотношений формы и содержания, писал в свое время Г. Гийом: «В традиционной сопоставительной грамматике наблюдению подвергались почти исключительно физическая сторона слова. Но не рассматривалось отношение, капитальное для структуры и архитектуры человеческого языка, отношение физического и материального» [Гийом 1992: 72].

Обращаясь к проблеме сопоставления языков, А.Е. Кибрик указывает на значимость метода описания «от значения к форме». Автор подчеркивает, что языки сопоставимы в наибольшей степени на семантическом уровне, а не на формальном, поскольку выражение смысла в языках происходит специфическим перераспределением между лексическими и грамматическими средствами. Следовательно, при изучении языков предпочтительнее сравнивать оформление того или иного значения, а не того, что выражают в разных языках сходные формы [Кибрик 2002: 129]. <...>

С развитием когнитивной лингвистики как междисциплинарной теории раздела науки о языке ономазиология становится ее частью, изучая процессы *от содержания к форме*. Все зависит от того, что понимается под содержанием. Предпринимаются попытки сравнения двух подходов к номинации: основным объектом изучения в ономазиологическом плане являются способы, формы и принципы вербализации лексической номинации, в когнитивном – способы интерпретации языковых репрезентаций [Малинка, Нагель 2011: 54]. Главный принцип ономазиологии – *от содержания* применим к когнитивному подходу, где речь идет о содержании знания, отражающего опыт восприятия мира, осмысления и членения фрагментов или явлений действительности. Современные исследования указывают на то, что ономазиологическое описание – это по своей сути когнитивное описание. Когнитивный подход не исключает использование формальных, традиционных, общенаучных методов и приемов исследования, это подчеркивается многими лингвистами, работающими в когнитивном направлении. На наш взгляд, раскрыть природу языковой и межъязыковой вариативности позволяет комплексный подход. Предпосылки комплексного изучения видятся в концепциях тех направлений, которые объединяют принципы функционального, ономазиологического и когнитивного подходов.

Следует уточнить, что когнитивный подход позволяет выявить взаимосвязи между мыслительными категориями и языковыми способами их выражения. В задачи когнитивной лингвистики входит изучение не только ментальных процессов, но и когнитивных аспектов самих языковых явлений. Исследованию подлежит то, в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53]. Выбор единиц анализа (концепт, фрейм, картина мира, категория и т.д.) зависит, очевидно, от объекта или материала исследования.

<...> отметим, что систематизация языковых единиц разноструктурных языков наиболее успешна, если она осуществляется в соответствии с когнитивной картиной мира. Эта задача решается путем использования комплекса подходов, среди которых основную роль играют ономазиологический и когнитивный принципы исследования» [Рянская, 2017, с. 222-224].

ЗАДАНИЕ 5.6. При обращении к разноструктурным языкам для описания сходного языкового явления обращение к ономазиологическому подходу является актуальным. Обратитесь к предлагаемому ниже отрывку из монографии Э.М. Рянской и Р.В. Федоровой (*Категория проспективности: специфика, вербализация: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 166 с.*). В чем заключается специфика описания способов глагольного действия «от содержания к форме»? Какой смысл вкладывается в понятие «понятийная категория»? Как соотносятся между собой понятийные и языковые категории? Чем объясняется применимость ономазиологического анализа к когнитивному подходу?

«Общеизвестно, что когнитивный подход позволяет выявить взаимосвязи между мыслительными категориями и языковыми способами их выражения. Согласно точке зрения Е.С. Кубряковой, в задачи когнитивной лингвистики входит изучение не только ментальных процессов, но и когнитивных аспектов самих языковых явлений. Исследуется то, в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания [Кубрякова 1996]. Выбор единиц анализа (концепт, фрейм, картина мира, категория и т.д.) зависит, очевидно, от объекта или материала исследования. Понятийные категории, понимаемые как универсальные, свойственные всем или большинству языков, выступают как «основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков» [ЛЭС, 1990: 385]. <...>

Что касается использования ономаσιологического анализа, то его главный принцип «от содержания» применим к когнитивному подходу, предполагающему изучение содержания знания, отражающего опыт восприятия и осмысления мира, членения фрагментов или явлений окружающей человека действительности. На то, что ономаσιологическое описание является по своей сути когнитивным, указала Е.С. Кубрякова [КСКТ 1996]. С опорой на данный подход выполнено исследование Т.В. Белошапковой «Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке» [2007]. Л.П. Пицкова, анализируя работу А. Клюма, отмечает важность того, что ученый, рассматривая способы глагольного действия как категорию, проявляющуюся в значении глагола в его контекстуальном окружении, использовал в качестве основы анализа ономаσιологический принцип, состоящий «в построении понятийной системы независимо от лингвистических данных и в наложении на эту систему средств, которыми обладает конкретный язык» [Пицкова 2002: 51]. Обращение к понятийной сфере при изучении категории проспективности, как и аспектуальности в целом, обусловлено, таким образом, необходимостью нахождения универсально константной структуры категории с опорой на анализ различных средств языковой репрезентации.

<...>

Вопрос об отношении понятийных категорий к языковым является одним из сложных. Отметим в этой связи идеи, высказанные И.И. Мещаниновым, внесшим наибольший вклад в изучение понятийных категорий. Для ученого понятийные категории выступают «непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [Мещанинов 1985: 15]. Известные понятия, которые являются продуктом исторического процесса развития человеческого общества, в разных языках получают многообразное выражение, они выявляются в языке, в его лексико-грамматическом строе. Ученый считал, что понятийные категории, получив языковое оформление, становятся грамматическими понятиями, а в грамматических категориях отображаются только те понятия, которые

получают в языке формальное выражение [Мещанинов 1988: 237—238]. Таким образом, можно заключить, что в разных языках может получить отражение не все понятийное содержание, а лишь отдельные его аспекты.

Нередко цитируется высказывание О. Есперсена о том, что грамматические категории являются тенями понятийных категорий, которые не зависят от вида конкретного языка [Есперсен 1988]. В связи с этим уместно заметить, что языковые факты свидетельствуют об определенных различиях в восприятии действительности, что позволяет детализировать когнитивную структуру категории и определять межъязыковую эквивалентность, в нашем случае — при описании процесса совершаемости действия или события во времени.

Традиционное описание способов действия связано в первую очередь с выявлением глагольных классов определенного «аспектуального поведения», что применимо для языков, имеющих более или менее регулярные способы выражения характеристики действия в рамках глагола. Такой подход дал значительные теоретические и практические результаты в многочисленных аспектологических исследованиях. Однако обращение к разноструктурным языкам в описании способов действия на основе данного принципа теряет свою актуальность. Новизна когнитивного направления в изучении аспектологических проблем на примере нескольких языков заключается в возможности выявить универсальные и специфические понятийные категории, связанные с реконструкцией подсистемы знаний и представлений, и проследить особенности их языкового выражения. Преимущество такого подхода заключается в том, что через понятийную основу могут быть установлены сходные пути концептуализации различных аспектуальных ситуаций, представленных различными языковыми средствами. Это значительно облегчает задачу осмысления явления аспектуальности, а также практического использования языков в межкультурной коммуникации.

<...>

Совершенно очевидно, что невозможно представить универсальный набор способов действия для всех языков, который гипотетически может существовать на понятийном уровне. Предпринятая в настоящей работе попытка «разложить» перспективные характеристики действия на отдельные компоненты доказывает, что они входят в открытый класс («свободные несистемные образования», согласно определению Г. Гийома). Процесс детализации категории носит условный характер и является приемом исследования.

<...>

Выбранная стратегия не исключает обращения к методу «от формы к содержанию» в тех случаях, когда необходима более полная верификация данных. Как отмечает А.Е. Кибрик, «исходными объектами лингвистического описания следует считать значения и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы» [Кибрик 2002: 24]. Согласно точке зрения автора, этот постулат предполагает, что

процесс исследования должен быть цикличным, т.е. необходимо сочетание индуктивного и дедуктивного методов» [Рянская, Федорова, 2015, с. 12-17].

Семасиологический и ономазиологический аспекты присутствуют и в трактовке понятия «концепт». Семасиологический концепт рассматривается как инструмент моделирования денотативно-коннотативного пространства слов, как модель, «которая опирается на материальную сторону знака, что и обеспечивает ей необходимую для модели объективность и адекватность». Ономазиологический концепт представляет «доминантные смыслы, которые воплощаются в разных кодах культуры: в слове, звуке, цвете, материальном предмете» [Чернейко, 2005, с. 65-66].

Применение ономазиологического подхода связывают также с процессом коммуникации. Такой анализ языковых явлений может быть выражен формулой «внеязыковое содержание – языковая форма / языковая система – речь» [Косова, 2008, с. 217]. К. Ажеж относит путь от смысла к выражающим его формам, т.е. ономазиологический, к «лингвистике говорящего» а семасиологический, от формы к смыслу, – к «лингвистике слушающего», рассматриваемый как путь от сообщения к его декодированию, к содержательной интерпретации [Ажеж, 2003, с. 200].

Для ономазиологии важно обращать внимание не только на языковые, но и на речевые факты. Это объясняется тем, что в языке представлены номинации явлений или объектов действительности, а в акте речи – не отдельное слово, а высказывание, которое передает ситуацию, а не описание какого-либо объекта. Ономазиологический аспект проявляется в языке в возникновении новых номинаций, а в речи – в использовании существующих слов во вторичной номинации. Так, по-новому рассмотреть ономазиологический материал позволяют сетевые имена как неофициальные антропонимы, отражающие в интернет-коммуникации изменения в социальной и культурной жизни общества. Внимание привлекает не только формальная сторона имени, но и связанные с ним значение и референция [Боровикова, 2012]. Идея о способности имени выражать понятие принимается в лингвистике и подтверждается историческими фактами об использовании имен собственных как знаков со смысловой нагрузкой (Подробно о проблеме наличия/отсутствия лексического значения у имен собственных или их специфических характеристик см. в статье *Рянская, Э.М. Автономинация в русском коммуникативном интернет-пространстве: отражение современных языковых тенденций // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 4. 2017. С. 42-49*). При использовании вторичной номинации авторы сетевых имен в качестве самопрезентации выбирают «говорящие» имена – неодушевленные существительные (*Кадриль, Иллюзия, Дождь, Туманная, волна, podushka, Рыжик* и др.), создающие метафорические или метонимические образы (см. статью *Балкунова, А.С., Рянская, Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. №3. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. С. 17-22*). Таким

образом, подобные новообразования выступают в качестве коммуникативно значимых единиц и отражают изменения, происходящие в языке на современном этапе.

ЗАДАНИЕ 5.7. Рекомендуем ознакомиться с литературой по вопросам ономаσιологического и семасиологического анализа:

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 301 с.
2. Бочкарев, А.Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. 317 с.
3. Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Универсальная категория возраст и его языковая реализация // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 110–112. – Рец. на кн.: Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков): моногр. / Д. Митяев. – Велико Търново: Фабер, 2012. – С. 110-112.
4. Галич, Г.Г. Категории: грамматические, ономаσιологические, когнитивные // Вестник Омск. ун-та. 2011. №3. С. 238-244.
5. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с франц.; общ.ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. 221 с.
6. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Едиториал УРСС, 2002. 352 с.
7. Косова, В.А. Ономаσιологический подход как основа исследования словообразовательной категоризации действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Том 150. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 217-224.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. 245 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
10. Малинка, А.В., Нагель, О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // Язык и культура. – 2011. – № 4. – С. 44-56.
11. Митев, Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). – Велико Търново: Издательство «Фабер», 2012. 400 с.
12. Рянская, Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: монография. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 191 с.
13. Рянская, Э.М., Фёдорова, Р.В. Категория перспективности: специфика, вербализация: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 166 с.
14. Рянская, Э.М. Подходы к изучению сходных языковых явлений в разноструктурных языках // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: Сборник статей. Материалы XVIII Международной

конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрединой (Москва, 13–16 сентября 2017 г.). М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 219-225.

СПИСОК ТЕРМИНОВ

- Аналогия, с. 64-65
Бисоциация, с. 64
Гипертекст, с. 44
Девияция, с. 64
Диалогизация монологической речи, с. 50
Диалогичность, с. 47, 49
Дискурс, с. 46
Знание, с. 4, 14, 23, 25
Импликация, с. 79
Имплицитная информация, с. 78
Интерпретация, с. 26
Инференция, с. 41, 78
Информативность, с. 71
Информация, с. 68
Картина мира, с.9-12
Категоризация, с. 5
Когнитивно-дискурсивная парадигма, с.14-15
Когнитивные модели, с. 31-32
Когнитивный диссонанс, с. 63
Когниция, с. 17, 21
Коммуникация, с.18, 37-38
Конвенционализация, с. 42
Концепт, с. 22, 42
Концептуализация, с. 5, 27
Культурнозначимая информация, с. 74
Ономасиологический анализ, с. 87
Ономасиология, с. 81
Понимание, с. 25-26, 52-53
Понятие, с.22
Речевое воздействие, с. 58
Речевое/языковое манипулирование, с. 60-61
Семасиологический анализ, с. 87
Семасиология, с. 81
Смысл, с. 29
Текстовое пространство, с. 43
Экспланаторность, с.4

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, Е.К. Когнитивно-прагматические аспекты непонимания текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.

Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 301 с.

Азначеева, Е.Н. Аналогия как средство речевого воздействия в публицистическом дискурсе // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности / Отв. ред. Е.Н. Азначеева. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2017. 208 с.

Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 6-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 416 с.

Алпатов, В. Языкознание. От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. 253 с.

Бабушкин, А.П., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.

Балкунова, А.С., Рянская, Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. №3. Нижневартковск: Издательство Нижневартковского государственного гуманитарного университета, 2010. С. 17-22.

Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.

Баранова, И.И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3(155). С. 119–125.

Беляева, Е.В. Когнитивный и коммуникативный аспекты морального дискурса // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей. Вып. 15. Минск, 2016. С. 152–159.

Боженкова, Р.К., Боженкова, А.М. Лингвокультурологическая интерпретация процесса понимания текста // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 2 (4). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/38.html>

Болдырев, Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5-8.

Болдырев, Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 7–13.

Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Борисова, И.Н. Режимы диалоговѣдения и динамические типы разговорного диалога // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 245–261.

Бочкарев, А.Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. 317 с.

Быкова, О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: вестник Российской риторической ассоциации. 2000. Вып. 1 (9). 6. С. 42-53.

Быкова, О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: вестник Российской риторической организации. 1999. Вып. 1 (8). С. 99-103.

Величковский, Б.М. Когнитивная наука // Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-nauka-247ea2> (дата обращения 15.06.2025)

Викулова, Л.Г., Желтухина, М.Р., Герасимова, С.А., Макарова, И.В. Коммуникация. Теория и практика: учебник. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 336 с.

Викулова, Л.Г., Макарова, И.В., Новиков, Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Том 15. № 3. С. 54–65.

Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Дамян Митев «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)»: Монография. Велико Търново: Издательство «Фабер», 2012. 400 с.: научная рецензия // Болгарская русистика. № 3. 2016. София: Издательство Общества русистов Болгарии. С. 79-83.

Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Универсальная категория возраст и его языковая реализация: рецензия на монографию Д. Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012 // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 110–112.

Викулова, Л.Г., Рянская, Э.М. Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1(41). 2021. С. 53-67.

Виноградова, С.Г. О языке, когниции и коммуникации // Язык и культура. 2014. № 14. С. 43-48.

Водак, Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Перевод О.А. Солоповой. 2006. URL: <http://www.cognitiv.narod.ru>

Галич, Г.Г. Категории: грамматические, ономаσιологические, когнитивные // Вестник Омского университета. 2011. №3. С. 238-244.

Гендина, Н.И., Колкова, Н.И., Рябцева, Л.Н. Контент официальных сайтов библиотек: оценка качества и стратегия информационного моделирования: монография. Кемерово: Издательство КемГИК, 2021. 237 с.

Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с франц.; общ.ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. 221 с.

Гришечко, Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53-58.

Гришина, Н.С. Интернет-портал «Грамота.ру» как лингвокультурологический инструмент развития культуры русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.

Демьянков, В.З. Дискурс как эмпирическая основа теории взаимодействия коммуникации и когниции // Язык как он есть: Сб. статей к 60-летию А.А. Кибрика. М.: Буки Веди, 2023. С. 19-22.

Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33.

Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (006). С. 5-10.

Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: [б.и.], 2018. 280 с.

Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.

Диалогическая лингвистика: монография / Под науч. ред. Н.Н. Шпильной; отв. ред. М.В. Воронеж, Н.И. Тюкаева. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.

Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. 320 с.

Доржиева, Г.С., Щербакова, А.А. Ономазиология vs ономастика: проблемы номинации: учебное пособие. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. 196 с.

Дудова, Н.А. Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). В 2-х ч. Ч. II. С. 69-71.

Жаркова, У.А. Дискурсивные характеристики web-сайта университета: к проблеме структурирования контента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5(47). Ч. 2. С. 59-61.

Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Заботкина, В.И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1(54). С. 40-44.

Заботкина, В.И. Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сб. науч. трудов. Вып. 2. М.: Издательство «КДУ», Университетская книга. 2018. С. 22-25.

Заботкина, В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 182–192.

Задорозина, Ю.К. Лингвосоциокультурные компоненты текстового пространства университетского сайта: дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2022. 228 с.

Защирина, О.В., Белобрыкина, О.А. Понимание как междисциплинарная категория // Понимание и коммуникация: когнитивный контекст содержательно-смысловых

конструктов / Под науч. ред. О.В. Защириной, О.А. Белобрыкиной, Е.И. Николаевой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 8-16.

Землянова, Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 416 с.

Знаков, В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.

Исаева, И.П. Роль аналогии как когнитивного механизма в языковой интерпретации // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания. Барнаул, 2022. С. 111-115.

Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

История и методология языкознания: учебно-методическое пособие / Сост. О.В. Мищенко; науч. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 64 с.

Карасик, В.И. Языковые камертоны смысла: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. 416 с.

Карасик, В.И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.

Карасик, В.И., Стернин, И.А. Предисловие // Антология концептов / Под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 4-7.

Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ...д-ра филол. наук. 10.02.19 – Теория языка. М., 2003. 90 с.

Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Едиториал УРСС, 2002. 352 с.

Когнитивная лингвистика. URL: <http://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80>

Когнитивные исследования языка. Вып. № 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (20–21 апреля 2023 года). Ч. I / Отв. ред. вып. Л.А. Фурс. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. 816 с.

Кожина, М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М.: Наука, 1981. С. 187-214.

Колмогорова, А.В. *Languaging*: язык в точке пересечения коммуникации и когниции // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29.

Колчевская, В.А. Средства диалогичности как способ убеждения (в текстах веб-страниц туроператоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77). Ч. 2. С. 89–92.

Коннова, М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 313 с.

Косова, В.А. Ономаσιологический подход как основа исследования словообразовательной категоризации действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Том 150. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 217-224.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. 245 с.

Кубрякова, Е.С. Ономаσιология // Большая российская энциклопедия 2004-2017. old.bigenc.ru>linguistics/text/2689729

Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 429-450.

Кушнерук, С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 45-51.

Ларионова, Т.В. Принципы организации речевых манипулятивных практик общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 261-265.

Лингвистика информационно- психологической войны: монография. Кн. III / Под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 344 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Лошаков, А.Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверткста // Вестник Вятского государственного университета. 2008. Том 2. Вып. 3. С. 14–18.

Майсак, Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиций. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Малинка, А.В., Нагель, О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // Язык и культура. 2011. № 4. С. 44-56.

Митев, Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Издательство «Фабер», 2012. 400 с.

Навасартян, Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 23 с.

Нефедов, С.Т. Диалогичность – Интертекстуальность – Интердискурсивность // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2019. Т. 9. С. 10-18.

Обдалова, О.А., Минакова, Л.Ю. Взаимосвязь коммуникативных и когнитивных аспектов в обучении иноязычному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). В 2-х ч. Ч. 1. С. 148–153.

Одинцова, И.В. Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4.

Осокина, С.А. Существуют ли механизмы языкового воздействия на человека // Известия Алтайского государственного университета. 2007. С. 67-74.

Осокина, С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография / С.А. Осокина. Барнаул: Графикс, 2007. 224 с.

Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, Наука, 1998. 312 с.

Перспективные научные исследования в языкознании: колл. монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 194 с.

Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа: монография / Н.В. Петрова. Иркутск: ИГЛУ, 2004. 243 с.

Петрова, Н.В., Куликова, О.К. Соотношение понятий «архетекст», «прецедентный текст», «текстовое пространство» // Вестник ЧПГУ. 2009. № 6. С. 233–243.

Пешкова, Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №5 (25). С. 48-54.

Плотникова, А.М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 140 с.

Полещук, Л.З. «Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 1. С. 98–101.

Помазов, А.И. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 216–223.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / Под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. 216 с.

Прохватилова, О.А. Современный научно-популярный текст в аспекте диалогичности // Филология в XXI веке. 2021. № 1(7). С. 40-47.

Радбиль, Т.Б. Коммуникативно-когнитивная теория нарратива в современной лингвопоэтике // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. трудов. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Д.Н. Новиков. Москва: МГИМО–Университет, 2017. С. 126-131.

Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация: монография / А.В. Колмогорова, Е.В. Чистова, К.В. Мартынюк и др. / Отв. ред. А.В. Колмогорова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 252 с.

Рябуха, О.В., Шлопакова, Д.Л. Лингвокогнитивные средства манипуляции в англоязычных медиатекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Вып. 6. С. 1942-1947.

Рянская, Э.М. Автономияция в русском коммуникативном интернет-пространстве: отражение современных языковых тенденций // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 4. 2017. С. 42-49.

Рянская, Э.М. Когнитивный аспект лингворегиональных исследований: монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2008. С. 46-51.

Рянская, Э.М. Национально-специфические компоненты культур как фактор языкового многообразия // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Материалы Первой международной конференции (Москва, 14-16 апреля 2016 г.) / Под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. С. 481-485.

Рянская, Э.М. Подходы к изучению сходных языковых явлений в разноструктурных языках // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: Сборник статей. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л.М. Скрябиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.). М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 219-225.

Рянская, Э.М. Потенциал частей речи в выражении аспектуально-временных значений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / Отв. ред. Л.А. Нефедова. Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 249-252.

Рянская, Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: монография. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 191 с.

Рянская, Э.М., Савелова, Ю.К. Проблема статуса текстового пространства сайта (на примере сайтов содействия студентам) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». Том 15. № 2 (2018). С. 32-37.

Рянская, Э.М., Федорова, Р.В. Категория проспективности: специфика, вербализация: монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. 166 с.

Рянская, Э.М., Фоменко, Е.А. Ключевые слова предтекста как носители смысловых доминант полноформатного текста // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 22 марта 2022 г.) / Отв. ред. Д.А. Погonyшев. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2022. С. 549-555.

Рянская, Э.М., Яковлева, А.М. Формирование лингвокультурной и транскультурной компетенции при обучении иностранному (английскому) языку // Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики: коллективная монография / Отв. редакторы Э.М. Рянская, д-р филол. наук, профессор, М.А. Степанова, канд. филол. наук, доцент. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 67-93.

Седых, А.П., Куган, Е.И. Коммуникативно-когнитивные особенности художественного дискурса и наука о языке // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной

лингвистики. 2015. Т. 1, Вып. №4. URL: <https://rllinguistics.ru/journal/article/590/> [дата обращения 02.12.2024]

Серебренникова, Е.Ф. Дискурсивный потенциал местоимения *Nous*: виды инклюзии с точки зрения лингвосомиотического подхода // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2025. Вып. 2(58). С. 166-180.

Силантьев, И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 98–123.

Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 391 с.

Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Соколова, О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.

Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи: монография. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 239 с.

Стернин, И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / Под ред. М.Н. Кожинной; 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

Титаренко, С.А. Лингвокогнитивные механизмы регуляции прагматического воздействия на перцепцию субстандартной лексики в процессе коммуникативного акта (на материале английского сленга) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 121-129.

Толстогузов, П.Н. Местоимения как ключевой элемент просодии в славянской псалтири: на примере 90 псалма // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 4(49). С. 101-106.

Трайковская, Н.П. Извлечение имплицитной информации в рекламном тексте с точки зрения его гендерных особенностей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 31 с.

Фомичева, Ж.Е., Елисеева, И.Б. О языковых средствах создания комического эффекта в пародийном художественном тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. №1. С. 309-319.

Хомутова, Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.

Цурикова, Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 128-157.

Чернейко, Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43-73.

Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.

Чернявская, В.Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100.

Чернявская, В.Е., Молодыхенко, Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учебник. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

Шаламов, В.Д. Функции категории понимания и ее производных в когнитивном и коммуникативном пространстве // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 3. С. 13-18.

Шапочкин, Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 101–107.

Шевченко, Ю.В. Идиостиль как параметр языковой личности ученого // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3.

Шмелева, Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78-86.

Шмелёва, Е.С. Лингвокогнитивные модели каламбура в англоязычных медийных заголовках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.

Щирова, Е.С. Языковые средства создания комического эффекта в произведениях Карла Валентина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 19 с.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.

Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов. Вып. 2. М.: Изд-во «КДУ», Университетская книга. 2018. С. 22-25.

Учебное издание

Рянская Э.М.

Когниция и коммуникация

Учебное пособие

ISBN 978-5-00047-729-8



Технический редактор: Д.В. Вилявин

Дата выхода: 04.09.2025

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 6,6
Электронное издание. Объем 1,4 МБ. Заказ 2341

Издательство НВГУ

628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, 4
Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru